

Виктор Мельников
Елена Мельникова

Зеркало

*Мистическая
повесть*

Елена Мельникова

Зеркало

«Издательские решения»

2015

Мельникова Е. Е.

Зеркало / Е. Е. Мельникова — «Издательские решения», 2015

История про молодого человека, на которого наложено проклятие. Те, кто каким-либо образом обижают его (даже случайно), через некоторое время погибают от несчастных случаев. Узнав про это, политические и криминальные деятели стараются использовать героя в своих интересах. В то же время друзья и сам молодой человек стараются избавиться от этого проклятия. Все это приводит к захватывающим и трагическим событиям.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Зеркало
Мистическая повесть
Виктор Владимирович Мельников
Елена Евгеньевна Мельникова

© Виктор Владимирович Мельников, 2015

© Елена Евгеньевна Мельникова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

В комнате все было вверх дном. На буро-зеленом паласе вокруг кукольного сервиза застыли за чаепитием глупые желтоволосые куклы, брошенные в разгар игры, ради новой забавы. Под сенью комнатной герани, олицетворявшей пальму, сидел неестественно веселый петрушка, рядом с ним, задрав лапы, ничком лежал плюшевый мишка. Синие и красные коты-кегли были разбросаны по всей комнате. Одна из диванных подушек валялась у двери, другая – у окна. На ней чинно отдыхал полосатый котенок, всем своим видом выражая непричастность к этим безобразиям. Школьные тетради и книги на письменном столе были небрежно сдвинуты в сторону, уступив место альбому для рисования. Обрезки цветной бумаги, коробочка с акварелью и кисти в стаканчике с бурой жидкостью тоже свидетельствовали о прерванных занятиях живописью.

У овального настенного зеркала в золоченой оправе увлеченно красила губы темноволосая девочка с черными сорочьими глазами. Синее шифоновое платье, доходило ей до пят, из-под него выглядывали несоразмерно большие туфли на шпильках.

– Даша, так нечестно, я тоже хочу быть принцессой, – ныла рыжая Наташка, пытаясь из-за ее плеча разглядеть себя в зеркале. У нее было черное в белый горох тоже взрослое платье, а на груди сияла серебристая брошка. И, конечно, так ей казалось, она была необыкновенно красива, как самая красивая в мире принцесса...

– Ну пойми ты, все же не могут быть принцессами. Мы с Дашей будем принцессами, а ты нашей служанкой, – сказала Аня, тоже пытаясь пролезть к зеркалу.

– Ну и ладно, тогда я пойду домой, – Наташа обиженно поджала губы и стала демонстративно расстегивать платье.

– Подожди, – примирительно сказала Даша. Она была самая старшая и опытная, ей в марте исполнилось уже восемь лет, и она отчетливо чувствовало свое превосходство, – я другую игру знаю, еще лучше! Садитесь, я покажу.

Девочки, покрутившись еще перед зеркалом, нехотя уселись на диван. А Даша, встав посреди комнаты в своем длинном платье, раскланялась с комической важностью, словно клоун, уверенный в успехе своей репризы.

– Вы-стуга-а-ет София Ротару! – растягивая слова и доведя последнее до восклицательного знака, объявила Даша, явно кому-то подражая. Затем подошла к проигрывателю и переключила его на повышенную скорость. Из динамика раздалось шипение, а затем веселый и тонкий мультяшный голос, глотая слова, затараторил:

– Червонну руту не шукай вечорами...

Девчонки зашлись от смеха: Анин смех звенел колокольчиком, Наташка, несмотря на хрупкую внешность, смеялась хриплым баском, как Портос в «Трех мушкетерах». Обе сползли от смеха с дивана, утянув за собой и плюшевое покрывало.

Прокрутив подобным образом еще пару пластинок, девочки устали, наконец, и от этой забавы.

– Все, – объявила Даша, посмотрев на часы, – пора прибираться, скоро папа с работы придет. Нам еще к маме в больницу идти.

Аня, нехотя встала, и с рассеянным видом поволокла за толстую лапу коричневого плюшевого медведя к коробке с игрушками, а Наташка подобрала с пола розового пупсика и, нянчя его, повернулась к Даше:

– Счастливая ты, Даша. У вас скоро маленький будет. А ты кого больше хочешь? Братика или сестренку? Я бы сестренку хотела, они маленькие, такие лапочки. У моей лели такая хорошенькая, ее...

– Никого я не хочу, – отрезала Даша, и оживленное лицо ее мгновенно стало угрюмым, а темные глаза – еще темнее.

– И правильно, – поддержала подругу Аня, – будет кричать все время, а тебе водись. Ни погулять, ни в кино...

Внезапно зазвонил телефон, и Даша, запинаясь в длинном платье, и, растеряв по дороге туфли, помчалась в прихожую.

– Дашенька, милая моя! – голос мамы на другом конце провода и плакал, и смеялся: – У тебя братик! Ты скажи папе, он так обрадуется, а я...

Но конца фразы Даша не услышала. Голос мамы заглушил страшный грохот и звон бьющегося стекла, словно в окно запустили кирпичом, и вслед за этим громко вскрикнула и запричитала Аня. Даша бросилась на шум. Телефон, перевернувшись, упал на пуфик, и из трубки, повисшей на черном крученом шнуре, мамин голос недоуменно и встревожено вопрошал в пустоту:

– Что случилось, Даша? Ты где?

Запутавшись в платье, споткнувшись о лежавшую на пороге гостинной подушку, она со всего разбега, локтями, животом, коленями, врезалась в груды зеркальных осколков на ковре. Закричав, от боли, Даша попыталась подняться, но осколки вонзились в ладони, она снова упала грудью на пол, и увидев мельком в одном из зеркальных осколков черный, безумный глаз, под чей-то далекий, затихающий плач погрузилась в темноту.

Монотонный раздражающий шум надвигался все ближе и ближе, из него наконец выделился хрустальный перезвон пересыпаемых стекляшек, отчетливые всхлипывания и рокот голосов. Даша пошевелилась и открыла глаза. Вся комната была забрызгана яркими зеркальными осколками, Даша увидела склоненный шиньон соседки с первого этажа, пересыпавшей стекло с совка в зеленое ведро. На паласе, где недавно происходило мирное кукольное чаепитие, валялось заляпанное красным покрывало, а сами куклы лежали, беспомощно раскидав руки, словно бойцы на поле брани, в желтых волосах одной из них расплылось бурое пятно. Даша посмотрела на свои руки: сквозь белые бинты просачивалась кровь. В углу всхлипывали Наташка с Аней, нелепые в длинных платьях, с размазанной по лицу помадой. Ходил из угла в угол отчим, а соседка Анна Петровна его успокаивала:

– Да придет «Скорая», не бойтесь! – и тут же, повернувшись к девочкам: – Молчите вы, несносные! Кто вам позволил мамкины платья на себя напяливать! Небось перед зеркалом крутились, вертихвостки малолетние! Вот оно и разбилось!

– Не виноваты мы! Оно само разбилось! Я тоже порезалась! – заныла Аня, шмыгая красным, распухшим от слез носом.

Ей вторила Наташа:

– Мы к нему даже не прикасались. Дашка по телефону говорила, а мы игрушки складывали.

Соседка с первого этажа выпрямилась и веником указала Анне Петровне на синее скомканное платье, лежавшее в углу в лужице крови:

– Смотри, как попортили, больше такое не достанешь.

– Мамино любимое... Мама будет ругаться, – подумала Даша и попыталась встать, но страшная боль обожгла ее и, застонав, она снова упала на диван.

– Дашенька, очнулась! – Отчим подбежал к дивану, осторожно погладил девочку по голове, сам чуть не плача, стал приговаривать: – Дочка, не плачь, все будет нормально, сейчас тебе помогут.

Соседка с первого этажа взяла Анну Петровну под локоть и вывела в коридор.

– Кровищи-то! Хорошо что лицо не повредила! – пробормотала Анна Петровна. – Недобрый это знак. Не к добру зеркало...

– Да, дурная примета! Уж помяните мое слово, еще кровь будет...

Глава 1

Пал Палыч Колосков сидел за столом в своем кабинете и рассеянно поглядывал на первокурсников, которые, не скрывая скуки и безразличия к предмету, ждали окончания учебной пары. Сергеев и Ткаченко, например, уже достали сигареты и нетерпеливо щелкали зажигалками. Ерофеева, хорошенькая, но глуповатая девица, привстала из-за стола и, раскрыв рот, что-то напряженно высматривала в окне. Пал Палыч улыбнулся, вспомнив, как на прошлом занятии, когда он давал тему «Система пищеварения крупно-рогатого скота», Ерофеева поразила его своим ответом на вполне безобидный вопрос: «Что представляет собой один из отделов желудка жвачных – рубец?» Немного, как показалось Палу Палычу, поразмышляв, Ерофеева, с серьезным и даже каким-то торжественным видом заявила:

– Рубец – это ценный продукт питания, – а затем доверительно, тоном пониже, добавила: – У нас папа всегда с дядей Толей, когда мама уезжает в командировку, жарят его и закусывают...

Непосредственность Ерофеевой его умиляла. Что поделаешь – дети, их студентами даже не назовешь. Всем лет по пятнадцать, после девятого класса. В десятый учиться не взяли в силу весьма посредственных знаний и поведения, вот и пришлось поступать сюда, в сельхозтехникум, благо, что брали без экзаменов...

Наконец, пара закончилась, и первокурсники с гиканьем и топотом, в течение нескольких секунд покинули кабинет и оставили Палу Палыча одного. Колосков немного еще посидел за столом, наслаждаясь тишиной и покоем, заглянул в свою записную книжку, удостоверился, что на сегодня у него никаких лекций и семинаров больше не предвидится, положил учебник «Анатомия КРС» (сноска: КРС – крупно-рогатый скот) и замызанную тетрадку с планами уроков в старенький черный портфель, закрыл кабинет и вышел на улицу.

Стояли теплые дни. Небо очистилось, и осеннее солнце ощутимо припекало макушку. Так иногда бывает в середине октября, когда ни с того, ни с сего, прекращаются нудные дожди и ветры, отравлявшие жизнь целую неделю. И природа, ненадолго придя в себя, замирает в каком-то оцепенении, стараясь подольше сохранить последние воспоминания о лете.

Пройдя в главный корпус сельхозтехникума и оставив на вахте у тети Нади ключ, Пал Палыч еще раз завернул к расписанию. Колосков был рассеян и прекрасно сознавал свой недостаток. За пятнадцать лет работы преподавателем ветеринарных дисциплин, на ветеринарном же отделении, он постоянно опаздывал на уроки, путал время занятий, кабинеты и группы студентов. Однажды он с упоением прочитал полуторачасовую лекцию по акушерству и родовспоможению у овец для студентов строительного отделения. Будущие строители прослушали ее с огромным вниманием и ни словом не высказали своего недоумения по поводу новшества в преподавании строительного дела. В другой раз Колосков похитил группу студентов-гидромелиораторов. Посадив их, несмотря на протесты, в автобус, Пал Палыч увез бедолаг на ветеринарную практику в пригородный совхоз. И там, по словам несчастных гидромелиораторов, которые впоследствии накатали на него письменную жалобу директору техникума, Колосков с «большой жестокостью и изощренностью» заставлял их проводить ректальное исследование беременности у коров.

Необходимо пояснить, что ректальное обследование представляет собой определение сроков беременности у коров через прямую кишку путем проникновения в нее рукой. А, как известно, у ветеринаров не принято (к возмущению гидромелиораторов) перед этой процедурой ставить корове очищающую клизму. В общем, гидромелиораторы были в шоке. Но крупных скандалов Палу Палычу избегать удавалось. Несмотря ни на что, коллеги, и в том числе директор техникума Виктор Сергеевич, относились к нему с пониманием и весьма добродушно

реагировали на его промахи, потому что Колосков был замечательным, даже уникальным специалистом и просто очень хорошим человеком.

Внимательно просмотрев расписание и еще раз удостоверившись, что никаких занятий на сегодня у него нет, Пал Палыч уверенно направился домой.

Жил Колосков неподалеку от работы и поэтому всегда ходил пешком. По своему обыкновению, зажав портфель под мышкой, засунув руки в карманы пальто и ссутулившись, Пал Палыч шел домой и привычно размышлял. Пал Палыч любил размышлять. С самого детства он проявлял склонность к созерцательности и задумчивости. Читать он начал очень рано, в четыре года. Первой его книжкой был ни какой-нибудь дурацкий «Колобок», а ни много ни мало «Дон Кихот» Сервантеса.

Четырехлетний Пал Палыч ровно ничего из прочитанного не понял, но уважение к книгам у него возросло настолько, что он стал читать все подряд. Благо, что родители Пал Палыча были людьми образованными, и книги в доме водились. К шести годам он прочитал все, что было в квартире, вплоть до таких захватывающих брошюр, как «Печное дело» и «Грибковые заболевания».

В первом классе Пал Палыч уже читал двести знаков в минуту и иногда ставил в тупик своими познаниями из самых неожиданных областей классную руководительницу Надежду Сергеевну. Так, например, семилетний Пал Палыч, разъяснил Надежде Сергеевне, которая была на тридцать лет его старше, как она не права, в том, что запрещает его однокласснику Кузину бегать по коридору, толкаться, ставить подножки девочкам и орать.

– Надежда Сергеевна, вы, как педагог, должны знать, – втолковывал маленький Пал Палыч своей учительнице, – что ребенку нужна разрядка после длительного сидения за партой на одном месте, которую, он получает посредством бега по коридором и беспричинным... – тут он замялся, подбирая более научное слово, но не вспомнил, и ограничился знакомым, – ...ором.

Учительница, ошалев, молчала. И Пал Палыч с подъемом продолжал:

– Если Кузин не получит такой разрядки, то он, Надежда Сергеевна, на следующем уроке будет невнимателен и чрезмерно активен. Это будет мешать вам вести занятия. Так что беготня Кузина вам же и пойдет на пользу.

С тех пор Надежда Сергеевна посматривала на Пал Палыча с некоторой опаской. Но в то же время Пал Палыч не был каким-нибудь занудой, «знайкой» или «очкариком», каких обычно презирают в школе. Несмотря на свое раннее развитие, он был абсолютно нормальным ребенком, у него было два закадычных, со времен детского сада, друга. Два брата-близнеца Федоровых – Кирилл и Сергей. Они втроем носились по гаражам, играя «в Яшина», лупили мячом в кирпичную стену дома, плавил свинец в заброшенной кочегарке, дрались с пацанами из соседнего двора, купались до одури в местном пруду.

«Профессор», так звали Пал Палыча его сверстники за образованность, начитавшись Тома Сойера, предложил скрепить их дружбу кровью. Эта волнующая церемония состоялась на старом кладбище, недалеко от их дома, где они пугаясь каждого шороха и скрипа, кололи себе пальцы иголкой, рисовали кровью крестики на бумажках, которые потом торжественно закопали под черемухой возле одной из заброшенных могил.

Могила была выбрана не случайно, старшие пацаны, говорили, что здесь похоронен колдун, и умер он не своей смертью, а ему отрубили голову. За что ему отрубили голову, – неизвестно, но всем было ясно, что просто так головы в наше время не рубят.

Дружба их продолжалась до девятого класса, до тех пор, пока пятерых подростков, возвращавшихся после секции дзюдо, не размазал по обочине дороги «КамАЗ» с пьяным водителем за рулем. Среди них были Кирилл и Сергей. Сережа умер сразу – его нашли в тридцати метрах от места катастрофы, без ботинок, с нелепо повернутой под тело головой, в луже собственных мозгов. Кирилл, не приходя в сознание, через несколько часов умер в реанимации.

Хирург, который оперировал Кирилла, сказал его родителям, чтобы они благодарили Бога, что для их сына все закончилось.

Во время операции врачи отняли у раздавленного «Камазом» Кирилла обе ноги и удалили поврежденную часть мозга. Довольно большую часть, чтобы Кирилл, выживи он, смог бы что-нибудь соображать и говорить.

Хоронили всех пятерых в закрытых гробах. Протрезвевший водитель «Камаза» так ничего и не вспомнил из случившегося.

На самом деле гробов в тот день должно было быть шесть. Но Пал Палыч, хотя и приготовил кимоно для дзюдо, вечером на секцию с ребятами не пошел. Бдительная мама, педиатр местной поликлиники, обнаружила у сына симптомы простуды и, не обращая внимания на яростные заверения, в том что он абсолютно здоров, оставила захворавшего Пал Палыча дома.

На похоронах друзей, в ветреный и холодный день в конце октября, Пал Палыч простудился еще больше и с воспалением какого-то таинственного среднего уха провалялся дома целых две недели.

Полмесяца вынужденного безделья Пал Палыч посвятил размышлениям. Нелепая и неожиданная гибель друзей, конечно, потрясла его. Когда в девятом часу вечера раздался телефонный звонок, он был уверен, что звонят братья Федоровы поделиться впечатлениями от тренировки. Через несколько минут побледневшая мама вошла в его комнату и сказала:

– Сережа погиб, а Кирилл при смерти в реанимации.

Пал Палыч сначала ей не поверил. Как так? Всего два часа назад Кирилл и Серега звонили ему, уламывали пойти с ними на тренировку, называли его «шлангом», а потом обещали зайти вечером, чтобы проведать и морально поддержать приболевшего друга... А сейчас один из них лежит на столе в морге, и равнодушный паталогоанатом привычным движением вскрывает его грудную клетку, а за жизнь другого бьются врачи, хотя надежды на благополучный исход практически нет.

Пал Палыч, лежа в кровати с компрессами на ушах, часами думал, что представляет собой феномен под названием «несчастный случай». Что это, простое стечение обстоятельств или же, как говорил булгаковский Воланд, кто-то «управился» с ребятами? Можно ли предсказать несчастный случай или по каким-то мельчайшим деталям, особым знакам, возможно, приметам, догадаться о его приближении?

Тут Пал Палычу сразу вспоминались всякие народные приметы, буквально на каждый случай жизни и смерти. «Может они и вправду прогнозируют наше будущее? – рассуждал Пал Палыч. – Или это просто безобидный фольклор? Или это какие-то установки, которые определенным образом влияют на поведение людей, и они сами провоцируют несчастные случаи?».

Пал Палыч где-то прочел, что человек умирает тогда, когда выполнит свою миссию на Земле. Например, великий Монферран умер через месяц после завершения строительства Исакиевского собора, возведение которого он считал главным делом своей жизни! А гениальный Карл Брюллов, получив воспаление легких при росписи того же храма, умер через три года, и хотя он создал множество шедевров, самым грандиозным его произведением стал голубь в небесной лазури под сводом собора. Но какие миссии могли выполнить шестнадцатилетние пацаны, которые спокойно учились в школе, играли в футбол, ходили в кино, абсолютно ничем не отличаясь от тысяч своих сверстников?

В общем, Пал Палыч всерьез увлекся этой темой. В течение целого года он рылся в библиотеках, читал городские хроники происшествий, чертил какие-то графики, завел себе толстенную тетрадь, в которую вписывал все сообщения о несчастных случаях, какие только мог откопать, прочел кучу всякой мистической и эзотерической ерунды, в надежде вывести закономерности и причины возникновения феномена НС, термин, который сам же придумал.

Работа то давала результаты – Пал Палыч явно, как ему казалось, находил в возникновении НС какую-то логику, то заходила в тупик: вся ловко построенная им схема неожиданно разваливалась из-за маленькой несостыковки. Концы терялись, и приходилось начинать все заново.

В конце концов, Пал Палыч плюнул на это дело и увлекся другой забавой. Надо сказать, что Колосков был человеком увлекающимся. Чем он только не занимался за почти сорок лет своей жизни. Не будем говорить о таких «примитивных» хобби, как филателия, разведение аквариумных рыбок, шахматы и собирание спичечных коробков, гербариев и сушеных бабочек, которые Колосков успешно пережил. Пал Палыч придумывал себе экзотические, диковатые и даже порой опасные увлечения. Так, однажды в одиннадцать лет он стал собирать кошачьи черепа – на ближайшей помойке их было навалом, именно кошачьи, другие его не интересовали. Но это увлечение быстро прошло, когда мама, разбирая завалы в его письменном столе, чуть не грохнулось в обморок, обнаружив милую коллекцию кошачьих голов.

Отец Пал Палыча, Павел Андреевич, будучи мягким и уравновешенным преподавателем физики и математики в местном пединституте, не сдержался и сделал Пал Палычу суровейшее внушение подзатыльником, а собрание кошачьих черепов в сердцах задулил с балкона пятого этажа. Этим самым некрофильское начало в Пал Палыче было задавлено.

Через некоторое время, после неудачи с черепами, Пал Палыча вдруг необыкновенным образом заинтересовали пауки и паутина. Обуреваемый страстью натуралиста, Пал Палыч стал ошиваться в подвалах, вылавливать пауков и тащить их в квартиру, расселять тварей по укромным местам и подкармливать мухами и размоченным хлебом.

Скоро по всему дому, к неудовольствию мамы и раздражению папы (один из питомцев сына спустился по серебряной нитке с потолка аккуратно папе за шиворот, а другой свил себе гнездо в его ботинке), стали распускаться красивые паутины, в которых бились в судорогах и придушенно жужжали мухи, и носились на мохнатых, кривых лапах их жуткие палачи.

Пал Палыча пауки приводили в безумный восторг. Он давал всем своим подопечным клички. Паучки назывались Аттилами, Торквемадами, Адольфами и Геббельсами. К тому же, он вел какие-то «паучьи хроники» и самозабвенно зарисовывал в тетрадь строение паутины. Но и это увлечение скоро закончилось. Близилось Первое мая, мама провела в доме генеральную уборку, и пауков пришлось выселить обратно в подвал...

Вспоминать тот роковой день, когда мама не пустила его на секцию дзюдо, Колосков не любил, но вчера насмерть разбился на мотоцикле третьекурсник с его ветеринарного отделения Михайлов – симпатичный, хотя и разболтанный парень. И Пал Палыч невольно опять обратился к некогда его волновавшей теме несчастных случаев.

– У меня же где-то валялись эти графики, тетрадки всякие, надо будет найти, посмотреть. Может на самом деле, там что-то есть? Вроде тогда кое-что интересное вырисовывалось... – размышлял на ходу Пал Палыч, уставившись на облезлые носки своих ботинок, переступавших по грязному асфальту. Но тут размышления его были прерваны болезненным тычком под ребра и возмущенным воплем какой-то мелкой старушенции.

Она с негодованием смотрела на Колоскова, заправляя седые волосы под сбившийся платок.

– Не видишь что ли, куда прешь?! Залютят шары с утра, а нормальным людям проходу от них нету. Ну, чего уставился?!

Пал Палыч очнулся от своих мыслей, покосился на рассвирепевшую бабку и ее клюку, рукояткой которой она, вероятно, и ткнула его под ребра, извинился и, не ввязываясь в склоку, повернул направо к своему подъезду, который он чуть в задумчивости не миновал. Одновременно нащупывая в кармане джинсов ключ от двери и прыгая через одну ступеньку, Пал Палыч добежал до своей квартиры.

Не успел он переступить порог, как тут же был атакован восьмимесячным рыжим псом. Поскуливая от переполнявших его чувств, он прыгал на снимавшего ботинки хозяина, норовя лизнуть горячим языком Пал Палыча прямо в нос. Пал Палыч тоже был рад встрече, похлопывал счастливого зверя по крепким бокам, трепал его за круглые, стоящие торчком уши, хватал за рыжие лапы, отчего пес в восторге подпрыгивал, взлаивал от счастья, вилял хвостом и, подбегая к двери, умильно поглядывал на хозяина.

– Нет, нет, перебеешься! Водил я тебя всего три часа назад! Да не кусайся ты, дурилка! Пойдем-ка лучше, Гарик, посмотрим, чего у нас пожрать есть? – приговаривал Пал Палыч, направляясь на кухню. Гарик весело скакал следом, норовя цапнуть хозяина за пятку.

– Тэк-с, тэк-с, не густо тут у нас, – бормотал Пал Палыч, открывая холодильник и засовывая нос в различные кастрюли и банки. – Ага, тут у тебя есть отличная перловка! Если ты, Гаря, со мной поделишься, а ты непременно поделишься, мы устроим себе шикарнейший обед.

Достав кастрюлю из холодильника и взяв в коридоре собачью миску, пес при виде этого сделал немислимый по красоте восторженный прыжок, Пал Палыч вывалил в нее ровно половину содержимого кастрюли, затем разбил туда два яйца, а скорлупу мелко-мелко крошил и отправил следом.

– Это тебе, брат, кальций, чтобы кости стали крепче! – пояснил Колосков щенку свои манипуляции со скорлупой. Затем Пал Палыч снова нырнул в холодильник и откопал там вареную кость с мясом, которую, понюхав, с сожалением положил в собачью миску.

– Все лучшее – детям, – вздохнул Пал Палыч, ставя на огонь сковородку и ложкой выгребая на нее оставшуюся перловку. Пал Палыч забыл сегодня позавтракать, и у него потекли слюнки даже при виде этого скользкого синева-серого месива.

Гарик уже вовсю чавкал над своей посудиною. В коридоре вдруг зазвонил телефон, нарушая идиллию и отдаляя долгожданный обед. Пал Палыч, чертыхнувшись и бросив ложку, побежал к аппарату.

– Алле! Слушаю!

– Я по объявлению, – произнес взволнованный женский голос. – Вы ведь давали объявление, что лечите на дому животных?

– Да, давал. Что у вас случилось? – Пал Палыч торопился, его ждала перловка. Каша вовсю шипела на сковородке, к тому же очень хотелось есть.

– У меня что-то с моей Люсей, моей кошкой. Она, понимаете, всегда такая подвижная, игручая. Ей всего два месяца, котенок еще ... Но тут уже лежит часа три и не встает, вроде как спит. Я ее тормошу, она откроет глаза, головку приподнимет, и опять падает, как будто без сознания. Может она умирает? – в голосе женщины появились истерические нотки.

– Успокойтесь, ради Бога, – попросил Пал Палыч. – Говорите адрес, через полчаса постараюсь быть у вас.

Записав адрес огрызком карандаша прямо на обоях над телефоном и заверив женщину, что все будет в порядке, Колосков положил трубку.

На кухне уже подгорало, и Пал Палыч помчался туда. Выключив плитку и положив себе в тарелку перловки, он уселся за стол. С аппетитом поедая горячую кашу, Пал Палыч поглаживал ногой Гариково пузо и разговаривал с собакой:

– Тебя с собой не возьму! Не скули, оставайся дома! Тебе туда нельзя, там кошка. Тем более, что сам виноват, не помнишь, козлинка, что учудил в прошлый раз? Кошку вместе с хозяйкой чуть инфаркт не хватил, когда она твою морду бандитскую увидела. Тоже мне пришли укольчик делать. Чуть не угробили животину. А эти египетские кошки, черт знает, сколько стоят. Мне полгода пришлось бы на вызовах работать. – Гарик обиженно заскулил, и хозяин потрепал его за холку. – Ладно, не ной! Приду, целый час будем с тобой гулять. Может, если повезет, встретим твою подружку, ободранную пуделиху, как ее... Эльза, что ли?

Доев перловку и похлопав по бокам грустившего Гарика, Пал Палыч оделся, переписал с обоев в блокнот адрес звонившей женщины, захватил саквояж с синим крестом на боку, и вышел из квартиры.

Глава 2

Утро в редакции еженедельника «Дело» началось с небольшого скандала.

– Где эта сволочь? Я его убью! Прирежу! Башку оторву! – орал, то и дело срываясь на визг, редактор Миша Резник. Щуплый, и как все холерики, крайне вспыльчивый, он в ярости бегал из угла в угол, брызгая слюной и трагически поднимая руки к небу. Притихшие сотрудники, как куры на завалинке, сидели рядом на диване, боясь неосторожным словом еще больше разозлить рассвирепевшее начальство.

– Нет, вы видели такого козла? – не мог успокоиться Миша и, остановившись напротив Даши, велел – Попробуй еще позвонить.

Даша послушно набрала номер, с минуту послушала длинные гудки и, в который раз за это утро, стала звонить в пейджинговую службу:

– Абоненту 1778. Гриша, если ты жив, немедленно позвони в редакцию.

– Если он жив, то ненадолго, – хмыкнул сидевший рядом с Дашей фотограф Эдик.

Беда заключалась в том, что накануне собкор газеты, Гриша Афонин явился на пресс-конференцию, на которой представляли нового министра МЧС республики, абсолютно пьяным. И вчера все республиканские и городские телекомпании в вечерних выпусках новостей показали сюжеты с конференции, сопроводив их язвительными комментариями в адрес газеты.

– Похоже, журналисты газеты «Дело» и не подозревают о старинной поговорке «Делу – время, потехе – час» – самозабвенно каламбурил корреспондент муниципальной телекомпании Сергей Домодедов. При этом злорадная камера подолгу останавливалась на помятой Гришиной физиономии, с удовольствием фиксируя его неподобающее поведение: во время прочувствованной речи министра Гриша беззастенчиво икал и осоловело оглядывался, видимо, не очень понимая, где он находится. Галстук у него съехал куда-то вбок, а расстегнутая рубашка являла безжалостным телекамерам бледную безволосую грудь. Пресс-секретарь местного МЧС поедал Гришу взглядом, под столом его настойчиво пинала и наступала на ногу каблуком-шпилькой корреспондент городского радио Дина Звонкова, но Афонину все было ни о чем. В конце концов, он с громким стуком уронил голову на столешницу и утомленно провозгласил:

– А пошли вы все...

Тогда не выдержал новый министр. И нахмурившись, сердито бросил в зал:

– В чем дело?

И, похоже, растерялся, когда на его абсолютно закономерный вопрос зал разразился гомерическим хохотом.

Ярость редактора была вполне объяснима. Теперь эту историю долго будут муссировать все враждебные «Делу» средства массовой информации. Собственно, почти со всеми местными СМИ, которые в той или иной степени были от кого-то зависимы (от алюминиевого концерна или администрации города) независимая коммерческая газета «Дело» находилась в состоянии перманентной войны.

Виной этому отчасти был вздорный характер редактора и его свирепое остроумие, которое он щедро расточал в еженедельной колонке «Колесо оборзения», посвященной обзору местных газет и телевидения. Он и придумал-то ее, чтобы удобнее было топтать конкурентов. Миша Резник потому так громко и орал, что представил себе, какой радостной статьей разразится в следующем номере газета «Око» – их главный конкурент, по объему тиража почти наступающий им на пятки.

Наконец он перестал бегать взад вперед по редакции и мрачно объявил:

– Все. Работаем. – давая понять подчиненным, что разборки откладываются на неопределенное время до появления Афонина. И кивнул Даше: – Зайди ко мне.

Слегка утомленный скандалом редактор и его зам Даша Романова закрылись в редакторском кабинете, чтобы вместе придумать, как на этот раз выгородить эту сволочь Гришу перед учредителями газеты. Аргументы, вроде «он больше не будет» уже не действовали. Гриша постоянно попадал в какие-то истории, что сильно вредило имиджу газеты. На прошлой неделе, к примеру, он чуть было не устроил драку на презентации книги стихов местных авторов «Моя малая милая Родина», а месяц назад, созвав в редакцию армейских дружков, уничтожил запасы дорогого коньяка, приготовленного в подарок рекламодателям.

Уволить Гришу Резник не мог, точнее мог, но не хотел. Гриша Афонин был замечательным автором статей на криминальные темы. У него были друзья среди бандитов и милиционеров, таможенников и аферистов, он обладал настоящим нюхом на сенсации и умел любую банальную кражу раздуть до масштабов криминальной драмы. Неизменной популярностью пользовались его фельетоны под рубрикой «Из жизни животных», в которых под видом сусликов, лис, медведей и прочих представителей богатой сибирской фауны он разоблачал высокопоставленных чиновников и силовиков. Его колонки читали запоем, как детективный роман, «представители фауны», узнавшие себя в его памфлетах, грозили ему физической расправой и таскали по судам, но тиражи издания росли с каждым номером.

– Даша, мне надоело с ним нянчиться. И потом я уже тысячу раз отмазывал его перед Воробьевым. (Воробьев был генеральным директором рекламной группы «Дело»)

– Ты, видимо, намекаешь, что с ним разговаривать придется мне. Только знаешь, в отличие от тебя я не считаю Афонина таким уж незаменимым, и в конце концов любому терпению есть предел. Поэтому не обижайся, если результат будет обратным.

Даша могла разговаривать с редактором на равных. Они когда-то вместе учились на филфаке местного пединститута, а потом много лет работали бок о бок в республиканской газете. В какой-то момент дружеские отношения готовы были перерасти в любовные, но этого не случилось, может быть, потому, что они оба слишком дорожили своей дружбой. Когда Резнику предложили возглавить тогда еще хилую газету «Дело», в которой восемь полос из десяти занимали объявления, он взял Дашу к себе замом. И вдвоем они сделали «Дело» самой читаемой газетой в республике.

– Сделал «Дело», – гуляй смело, – говорили сотрудники газеты, закончив верстку и выведя полосы на пленку.

Вообще, и учредители и главный редактор понимали, что название газете было выбрано неудачно, оно постоянно служило источником каламбуров и зловредных высказываний во «вражеской» прессе. «Мы сделали «Дело»! – радостно вопила газета «Око», когда удавалось взять главный приз на каком-нибудь журналистском конкурсе. Впрочем, Резник в долгу не оставался и в своей рубрике отвечал на эти выпады целым потоком свеженьких «ОКОлешиц».

– Так значит, Даша, помочь ты мне не хочешь, – с раздражением сказал Резник.

– Извини, Миша. Ты знаешь, что я никогда не отказываюсь тебе помочь, но в очередной раз спасти Афонина мне не хочется. Во-первых я его не люблю, мне осточертели его игры в шпионов и суперменов, а во-вторых, – она прищурилась, – главный редактор – ты, Мишаня.

– Может быть, тебе просто хочется поменяться ролями, – впервые Миша произнес вслух то, о чем давно подозревал.

– Может быть. Как говорится, плох тот солдат... – Даша встала, – Я пойду, мне еще фээсбэшника добить надо.

Выходя, Даша несколько громче, чем нужно, хлопнула дверью. И тут же разозлилась на себя. Зря она так с Мишаней, надо было согласиться поговорить с Воробьевым. Мишка и так тянет на себе всю работу. Хотя она тоже не бездельничает. По правде сказать, может, она даже больше, чем Мишка работает. А что он собственно делает? Ну, колонку свою ведет. Хорошая

колонка. Согласна. Хотя иногда он изрядно перебарщивает. Если бы он не обозвал Сережу Домодедова в прошлом номере «трагическим мерзавцем», возможно, тот не стал бы так злобиться во вчерашнем выпуске новостей по поводу Афонина. Со всеми поссорился, дурак! С конкурентами надо дружить или хотя бы притворяться. Если б она была редактором...

– Даша, мне с тобой поговорить надо срочно-срочно! – на Дашу налетела Анечка Виноградова.

Блондинка с голубыми глазами и тонкой талией, она была, такое случается, умной и грамотной журналисткой. Девки из рекламного отдела ее ненавидели. Не могли простить ей длинные ноги, глубокие декольте и любовь к театру. «Эстетка хренова. Красота ты наша», – шипели ей вслед. А Даше она нравилась. За непосредственность, доброту к людям и блестящие материалы. Но сейчас она была нерасположена с кем-либо срочно разговаривать

– Ну, что там еще? – грубее, чем хотела, спросила Даша.

Аня попятилась, и Даше снова стало стыдно за свою несдержанность.

– Прости, пожалуйста. Пойдем поговорим, – Даша увела девушку на кухню.

Редакция размещалась в перестроенной квартире на первом этаже старой «хрущевки». Но как строители ни старались, полностью вытравить «домашний дух» из помещения не удалось. Комнаты кабинетами не стали, компьютеры казались оккупантами, занявшими чужое место, серванта или кровати, например. Офисная евроотделка и та подкачала, вместо холодного серого, располагающего к усердной работе, в дизайне помещения почему-то использовали пастельные тона, больше располагающие ко сну. Вместо жалюзи скупой бухгалтер Петрович заказал для редакции обычный тюль, а вместо ковролина раздобыли где-то старые выцветшие паласы. Для полного сходства с коммуналкой сотрудникам оставалось только облачиться в халаты и тапочки.

Раньше редакция располагалась в главном офисе (вот там все было как надо) вместе с рекламными, креативными и прочими отделами, но потом разросшемуся концерну стало тесно, участились стычки между журналистами и рекламщиками – те и те считали свою работу основной, и руководство волевым решением вытеснило редакцию из центра города на окраину.

Все сначала были страшно раздражены. Работать в прекрасном двухэтажном офисе в центре было приятнее, чем в занюханной квартире на окраине. «Нет, каковы мерзавцы!», – вопил Резник, а все остальные сочувственно кивали. Называть директоров «мерзавцами» позволялось только главному редактору.

Но вскоре преимущества новой жизни стали очевидны. Директора были далеко и в редакционную жизнь особенно не вмешивались. Только изредка коршуном налетал Воробьев с вихрем новых, по его мнению, блестящих идей, и цепко схватив Мишу за лацкан пиджака, тащил его в кабинет, где долго и с воодушевлением излагал свои замыслы. Миша с ним соглашался, но всегда все делал по-своему. Ему удавалось внушить директору, что это именно то, чего тот хотел.

Кроме отсутствия директоров и противных рекламщиков, у журналистов было еще одно немаловажное преимущество. В главном офисе был строго настрого запрещен алкоголь. Здесь же правила устанавливал Миша Резник, а Миша любил выпить за обедом бутылочку пива и не запрещал этого сотрудникам.

Эпицентром редакционной жизни была кухня. Здесь собирались передохнуть, покурить, посплетничать, попить кофе. На кухне стоял прекрасный обеденный стол, имелись полный набор посуды, электрическая плита и холодильник.

– Эдик, выйди пожалуйста. Нам нужно с Анечкой поговорить, – попросила Даша редакционного фотографа Эдика Калинина, вертлявого юношу с засаленными светлыми патлами до плеч, который пил кофе, мечтательно рассматривая полногрудых девиц в журнале для мужчин с глуповатым названием «Анастас».

– Ты не исправим, Эдик, – заметила Аня, покосившись на журнал.

– Да, я такой. Обращайтесь, если что, – заявил Эдик, манерно поклонившись, забрал свой кофе и удалился.

– Слушай, Анечка, неужели все мужики по имени Эдик такие противные? Кроме нашего, я знала еще двух – хуже некуда.

– Да, есть еще Эдуард Лимонов – автор на редкость мерзкого произведения «Это я, Эдичка.» – добавила Аня.

Даше Лимонов нравился, но спорить не хотелось:

– Ладно, рассказывай, в чем дело.

– Даша, я тут в интернете узнала про фестиваль этнической музыки! Куча иностранцев приезжают, такая возможность для интервью, я ведь языки знаю!

– Куда приезжают?

– В Ольховку.

– И ты, конечно, хочешь, чтобы я поговорила с Воробьевым и выпросила для тебя командировочные.

– Ага.

– Потрясающая вещь, все почему-то хотят, чтобы я поговорила с Воробьевым. Почему-то именно я, а не Мишаня...

– Ну ты же такая умная, – льстиво сказала Аня.

– Да, я – умная, я – красивая, только замуж не берут... – пробормотала Даша. – Ладно, поговорю.

Даша и вправду была красива. Ее смоляные волосы, белое, как игральная карта лицо, помеченное кокетливой родинкой над верхней губой, и черные живые глаза под котиковыми бровями пробуждали в мужчинах первобытный инстинкт завоевателя. Ее хотелось схватить и, бросив поперек седла, мчаться по степи к жарко пылающему в ночи у кочевья костру.

И замуж ее брали, даже два раза. Один из знакомых Даше противных Эдикиков был ее первым мужем. Даша познакомилась с ним глупой шестнадцатилетней девочкой, склонной к романтическим порывам, написанию лирических стихов и самоанализу. Появление Эдика, который был ее на десять лет старше и томился от сознания собственной исключительности, создало благоприятные условия для развития всех этих вредных наклонностей. Он с легкостью задурил ей голову фрейдистской чепухой и уложил в постель. Философское осмысление Кама-Сутры, печальные прогулки по старому кладбищу, таинственные полуулыбки из-под полей черной шляпки, долгое многозначительное молчание в телефонной трубке и стихи Гумилева про черный бархат, на котором забыт сияющий алмаз... – были вполне во вкусе тех романтических устремлений, которые тогда томили Дашу.

Но через два года, выйдя за него замуж, Даша с неприятным удивлением обнаружила, что он редко бреется, часто пьет и не умеет зарабатывать деньги. Даша с ним развелась, но проклятая склонность к стихосложению постоянно уводила ее в сторону, к вздорной и легкомысленной богемной публике, мешая найти надежного и обеспеченного спутника жизни.

Ей было уже двадцать шесть лет, когда она встретила Сергея. Он решил все ее материальные проблемы, осуществил ее давнюю мечту о поездке в Копенгаген, окружил заботой и вниманием, и наконец сделал абсолютно счастливой, подарив ей дочь. Четыре года Даша жила, как в упоительном сказочном сне. Но однажды проснулась. Она проснулась в воскресенье утром от длинного незнакомого звонка в дверь. На пороге в штормовке, в заляпанных грязью резиновых сапогах стоял Толя Кончеев, деловой партнер мужа, с которым Сергей в пятницу вечером уехал на рыбалку. Он стоял переминаясь с ноги на ногу и глядел не в глаза Даше, а куда-то вниз, на родинку над верхней губой. Из детской с криком «Папа, папа приехал!» в неосвещенную прихожую выскочила Таня.

– Таня, иди к себе, – приказала Даша, чувствуя, как от низа живота к горлу поднимается горячий комок. В голове бессмысленно пронеслось: Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца... Сквозь открытую дверь из подъезда тянуло холодом и апрельской сыростью.

Сергей погиб. Провалился, ступив на непрочный весенний лед, – в черную стылую воду. Водолазы нашли его через неделю безобразно распухшего, неузнаваемого.

Даше потом часто снился один и тот же сон. Они с младшим братом Костей, взявшись за руки, кружатся на катке, блестящими, отточенными лезвиями оставляя глубокие царапины на льду. Даша смотрит вниз и сквозь прозрачный зеркальный лед вдруг с ужасающей отчетливостью видит мертвое распухшее лицо Сергея. И он кричит ей: «Даша, перестань! Даша мне больно!». Она останавливается и пытается удержать за руку брата, но тот, вырывается, и быстро быстро кружась, режет коньками лед на том самом месте, где еще видно лицо Сергея. И из-под льда начинает сочиться яркая спелая кровь.

И Даша кричала во сне так громко, что прибежала напуганная дочь, а проснувшись, – долго не могла понять, где она, и что с ней.

Даша сидела на кухне, задумчиво уставившись на длинный столбик пепла на сигарете. Анечка упорхнула собирать информацию о предстоящем этнофестивале. Надо и ей браться за работу. Предстоит закончить интервью с начальником ФСБ и вычитать уже сверстанные полосы. После нового корректора все приходится по сто раз проверять.

– Даша, тут к тебе посетитель пришел. Ты с ним поговори.

Редактор стоял, привалившись к косяку, глаза его сияли, как у инквизитора перед истязанием какого-нибудь несчастного еретика.

Из-за его плеча Даша разглядела страшного бородатого мужика в затасканном мышинного цвета пальто, с хозяйственной сумкой, из которой торчали какие-то бумаги. И по его особому диковатому взгляду безошибочно угадала, что он из той породы сумасшедших, которые целыми днями без усталости таскаются по редакциям, досаждая всем рассказами о космическом разуме и предлагая свои услуги по спасению мира от Антихриста.

«Мишаня – сволочь! Отомстил!» – Даша с ненавистью посмотрела на редактора.

Мишаня подмигнул Даше и весело насвистывая ушел, а «сумасшедший» уселся напротив Даши за кухонный стол, и гипнотизируя ее взглядом, представился:

– Жрец Адам.

«Только этого мне не хватало», – с тоской подумала Даша.

А жрец Адам между тем переключился на изучение своих траурных ногтей, и вдруг резко вскинув голову, зловещим шепотом произнес:

– Он опять здесь.

– Кто здесь? – спросила Даша, не скрывая раздражения.

– Дьявол! – посетитель многозначительно помолчал с минуту и продолжил: – Он снова в нашем городе. Он убивает людей! – козлиная бородка сумасшедшего мелко затряслась.

Даша подумала, что хорошо бы убить Мишаню.

– Он убивает людей! – с воодушевлением повторил посетитель. – Но ему не нужно для этого ничего делать. Он убивает их взглядом! – сумасшедший сорвался на крик, – Он убьет нас всех! Заставит попасть под машину, броситься со скалы, утонуть, завязнуть в болоте! Он не пощадит ни взрослых, ни детей!

«Но ему не нужно ничего делать!» – нехорошее предчувствие сжало Дашино сердце, – «Он убивает их взглядом!» Стоп! Неужели?..

Даша прикрыла глаза и сдавила пальцами виски. Под закрытыми веками наплывала жестокая улыбка брата, с которой он в ее сне резал в кровь лед и распухшее неживое лицо мужа.

Сумасшедший уже почти визжал:

– Придет час и мы узнаем в нем Зверя! Зверь в нашем городе! Он придет к тебе и убьет тебя, убьет всех!

Даша вдруг резко поднялась, опрокинув чашку с недопитым кофе, и опрометью бросилась к выходу, задев плечом Мишаню, который в коридоре вполголоса за что-то отчитывал Анечку. Даша схватила с вешалки пальто, и не обращая внимания на изумленный возглас редактора, выскочила на улицу.

У крыльца с опухшим виноватым лицом курил Гриша Афонин, он протянул к Даше руку и что-то промывчал, но Даша его не слышала. Он не пощадит ни взрослых, ни детей! Она бежала к остановке, надевая на бегу пальто, и бормоча:

– Неужели он снова приехал? Господи прошу тебя, только не Таня! Пожалуйста, только не Таня!

Сообразив, что на такси будет быстрее, она свернула к обочине и яростно замахала рукой, тормозя машину.

Таня в яркой хризантемно-желтой куртке сидела у соседнего подъезда на краю черной шины, приспособленной жильцами под клумбу, из которой безжизненно торчали сухие стебли, и попинывая носком ботинка лежавший на земле ранец, что-то оживленно рассказывала своей однокласснице Вере, худенькой, коротко стриженной девочке в блеклом плаще. Обе они с изумлением уставились на красный «жигуленок», который, взвизгнув тормозами, резко остановился у подъезда. Из него выпрыгнула Даша, вся растрепанная в расстегнутом пальто и, не замечая дочку, побежала к подъезду.

– Мам, ты чего? – позвала Таня.

Даша обернулась и на ее лице отобразилась сложная гамма переживаний от отчаянья до умиротворения. Она подошла к девочкам и присела перед Таней на корточки.

– Все хорошо?

– Конечно, хорошо, мама. А что случилось?

– Да ничего, Таня. Просто у твоей мамы сегодня слегка едет крыша. Даша поправила выбившиеся у Тани из-под шапки волосы. – Вы в школу не опоздаете?

– Мама, ну ты что! Еще целый час. – Таня сунула маме в лицо круглый циферблат своих новеньких часов на цветном ремешке. – Мы погуляем немножко и пойдём.

Элитная школа №1 находилась через два дома от их девятиэтажки, так что девочкам не нужно было даже переходить через дорогу.

Они переехали в новый современный дом рядом с гуманитарной гимназией, когда Даша была беременна. Сергей хотел, чтобы ребенок жил в цивилизованных условиях, не зная вшивой романтики заплеванных хрущевок.

Даша поздоровалась с вахтершей, которая отложив кроссворд, с жадным любопытством на нее уставилась, фотографируя взглядом и растрепанные волосы и усталое выражение лица, вероятно, чтобы потом злорадно рассказать своим товаркам: «Ишь, наша Цаца какая замученная сегодня прибежала. Привыкла с богатым-то, а теперь самой суетиться приходится».

Обычно Даша всегда поднималась на пятый этаж пешком – тренировала ноги, но сейчас она чувствовала себя очень уставшей. Она вызвала лифт, в кабине которого, как в хороших гостиницах, был красный коврик на полу, пуфик и зеркало на коричневой полировке стены. Она встала лицом к зеркалу, и пока лифт с дребезжанием полз вверх на пятый этаж, Даша смотрела на свое лицо, трезво и безжалостно отмечая синие круги под глазами и унылые складки у губ.

– Совсем нервы сдали, – думала Даша, – надо ж, в такую чепуху поверить. Мало ли придурков к нам ходит. Если так на все реагировать, в психушку можно попасть.

Но помимо своей воли вспоминала визгливого «пророка»: он убьет тебя, он всех убьет! Ей снова стало жутко.

Даша вошла в квартиру и, включив свет, ужаснулась беспорядку. Видимо, девчонки резвились здесь все утро до школы. А посреди прихожей неподвижно лежала на боку кошка Люська. Вытянув черные с белым лапы, она никак не реагировала на приход хозяйки. Даша позвала ее, но кошка не шевелилась, тогда обеспокоенная хозяйка, сев прямо на холодный линолеум, стала гладить и тормошить ее. Кошка на мгновение подняла голову, и равнодушно глянув на Дашу желтыми помутневшими глазами, снова уронила ее.

– Да что же это? Люська, что с тобой? – Даша открыла дверцу телефонной тумбочки и, вывалив на пол весь скопившийся за месяц после уборки бумажный хлам, стала лихорадочно рыться в нем, разыскивая рекламный блок газеты «Дело».

– Ага, вот, – Даша открыла газету и нашла объявление о лечении животных на дому. «Чуткий доктор поможет вашим питомцам», – гласило оно.

Глава 3

- Куда? – вахтерша с раздражением уставилась на Колоскова.
- По вызову, в шестидесятую квартиру.
- По какому еще вызову? Вы что, сантехник?
- Да как вам сказать... не совсем. Я ветеринар, работаю по вызовам.
- Вахтерша с каким-то тупым недоверием смотрела на Пал Палыча.
- Ветеринар, понимаете? – втолковывал Колосков. – Лечу животных. Звериный доктор. «Айболита» читали?
- Вахтерша молча кивнула.
- Читали! – обрадовался Пал Палыч. – Ну, и слава Богу, разобрались! Можно я пройду, меня клиент ждет?
- Проходите, пожалуйста, – вахтерша почему-то вдруг подобрела, – пятый этаж, направо. Колосков, прыгая по своему обыкновению через две ступеньки, помчался вверх и через полминуты уже звонил в нужную ему дверь.
- Дверь открыла молодая женщина с встревоженным лицом.
- «Ух, ты!» – внутренне поразился Пал Палыч. – «Хороша!» – А вслух сказал:
- Здравствуйте, я ветеринар. Кажется, это вы мне звонили?
- Женщина отступила назад, давая Пал Палычу пройти.
- Да, я. Как вы быстро... Проходите скорей! – женщина заметно волновалась. – С моей кошкой плохо.
- Только не волнуйтесь, разберемся! – Пал Палыч говорил с тем особым подъемом, с каким мужчины обычно разговаривают с красивыми женщинами. Он прошел следом за ней в прихожую.
- Где тут у вас можно помыть руки? – спросил Пал Палыч, разувшись, и повесив пальто на вешалку.
- Через несколько минут посерьезневший и облаченный в белый халат Пал Палыч, присев на корточки, осматривал кошку.
- Он хватал ее за голову, бесцеремонно раскрывал ей пасть и заглядывал, словно цирковой укротитель тигров, внутрь, вытягивал у кошки язык и озабоченно на него шурился, ощупывал зверю живот и грудь. Небольшой полосатый котенок с белым брюшком и лапками с черными пятнами, реагировал на экзекуцию на удивление индифферентно – то и дело лениво открывал глаза и тут же закрывал их, снова будто засыпая. Никакой агрессии и настороженности к чужому человеку в белом халате, который вел себя с ним довольно хамски – чего стоила только процедура измерения температуры тела – зверек не выказывал. В общем, вела себя кошка странно.
- Чем кормите зверя? Смотрю, упитанная она вас, гладкая, – подняв голову и не переставая ощупывать котенка, спросил Пал Палыч у женщины, которая за все время осмотра не произнесла ни слова, а только с напряжением наблюдала за действиями Пал Палыча.
- Чем? Дайте вспомнить. День сегодня такой сумасшедший... Ну чем? «Китикэтом», как обычно, молоко даю... Скажите, она не умрет?
- Ну, как же, обязательно умрет... лет этак через пятнадцать.
- Значит, с ней все в порядке? – женщина улыбнулась. – А чего ж она сонная какая-то? Обычно носится, как ненормальная! Вчера горшок с моим любимым кактусом сбросила с подоконника...
- Как вас зовут? – спросил Пал Палыч, поднимаясь с корточек.
- Люська.
- Колосков засмеялся.

– Тыфу, ты господи! Совсем сегодня голова не варит, – засмеялась в ответ хозяйка кошки. – Меня Дашей зовут, а ее Люськой.

– Да, я понял, понял! – улыбнувшись, сказал Пал Палыч. – Не думаю, чтобы вы так игриво представились.

Даша тоже рассмеялась, и в свою очередь поинтересовалась.

– А вас как зовут?

– Павел.

– Очень приятно. Павел, скажите, что с моей Люськой на самом деле?

Пал Палыч, не слишком вежливо гоготнул:

– Ваша Люська, Даша, просто-напросто пьяна. Как говорит мой сосед-пропорщик Цибенко: «Крива, як сабля!».

– В смысле? – удивилась Даша. – Она у меня непьющая.

Пал Палыч снова засмеялся.

– А вы, что же, предлагали ей выпить, а она отказывалась?

– Господи, да что я за ерунду целый день несу! – смутилась Даша. – Извините, сегодня день такой, дурдом, голова не работает абсолютно...

– Да ничего, ничего, бывает! Напряжение, стрессы там всякие, это пройдет, – произнес Пал Палыч, с симпатией глядя на Дашу, и пояснил: – Ваша непьющая Люська, извините меня, надралась валерьянки. От нее за версту разит. Вон и пузырек валяется под диваном. Где вы храните лекарства? – поинтересовался Колосков.

– Валерьянка у меня в холодильнике хранилась, – озадаченно сказала Даша. – Люське пузырек в жизни не открыть. Может, Танька с подружкой кошку напоили, они как раз сегодня перед школой играли здесь, когда я на работе была... – Даша задумалась. – Точно, это девочки! Дочка еще вчера вечером ко мне приставала. Все спрашивала, правда или нет, что от валерьянки кошки пьяными становятся. Ну, я ей покажу!

– Даша, вы что? – Пал Палыч искренне возмущился. – Не надо обижать ребенка, она же не со зла. Тем более, что с кошкой все в порядке, проспится и будет носиться, как прежде, а дочь у вас просто любознательная, я сам таким был.

– Да нет, это я так! – Даша снова смутилась. – Я в жизни Таню пальцем не тронула.

– А я и не сомневаюсь, – Пал Палыч снова улыбнулся. – Ладно, Даша, раз у вас все в порядке, я, пожалуй, пойду. – Пал Палыч направился в ванную мыть руки, по пути снимая с себя халат.

– Спасибо вам, Павел, огромное! Сколько я вам должна? – спросила Даша.

Пал Палыч, не отвечая, шумел в ванной водой, а затем вышел и стал обуваться.

– Сколько с меня, Павел? – более настойчиво поинтересовалась Даша.

– Ничего не надо, Даша! – Пал Палыч улыбнулся и добавил. – Я ведь только ее осмотрел.

– Нет, нет, так нельзя. Вы же теряли время, ехали сюда... – Даша стала рыться в сумочке в поисках кошелька.

– Даша, не стоит. На самом деле! – твердо сказал Пал Палыч. – Ладно, я пойду, а то меня псина дома заждалась. Прогулку я ему, бандоге, обещал.

Пал Палыч снял с вешалки пальто. Полы его скользнули по тумбочке, стоявшей в коридоре. Она была в беспорядке заставлена флакончиками духов, баночками и тюбиками с кремами, дезодорантами и прочей подобной чепухой, какая всегда в изобилии водится у каждой красивой и следящей за собой женщины. Раздался грохот и звон.

Даша вскрикнула.

– Ой, Даша простите. Не надо я сам... – Пал Палыч вежливо отстранил шагнувшую к нему на помощь Дашу.

– Вот всегда со мной так. Не могу я без этого! – смущенно сказал Пал Палыч и, присев на корточки, стал собирать раскатившиеся по полу предметы дамского туалета. – Недаром

меня бабушка в детстве называла «криворуким» и, как видите, с тех пор я ничуть не изменился. Вечно что-то ломаю, опрокидываю, корежу, – продолжал виновато бормотать Пал Палыч, составляя духи и помаду обратно на тумбочку. – Тут, на днях, на лабораторных занятиях опрокинул банку с формалином, в которой храниласьдохлая крыса и, не просто куда-нибудь на пол или хотя бы себе на штаны. Не-ет! Я аккуратно вывалил все содержимое на кофточку одной студентки – местной красавицы, которую она, кажется, недавно себе купила – слышал, как она хвасталась перед подругами. Визгу было, я чуть не оглох... – Пал Палыч на мгновение замолчал и с огорчением произнес, – Черт! Я кажется, что-то разбил.

Он обернулся и снизу вверх посмотрел на хозяйку.

– Это зеркальце. Дайте, пожалуйста, веник и совок. – И спросил испуганно: – Даша, что с вами?

Даша все то время, когда Пал Палыч наводил порядок, стояла облокотившись о стенку, и с улыбкой слушала болтовню Колоскова. Но когда Пал Палыч показал ей на разбитое зеркальце от пудреницы, женщина вдруг вскрикнула, побледнела и прижала руки к лицу.

– Зеркальце разбилось? Что вы наделали? Вы даже не представляете, что вы наделали! – у Даши вдруг задрожали губы, и она разрыдалась.

Пал Палыч, зажав в одной руке баллончик лака для волос «Тафт три погоды», а в другой флакончик духов «Кензо» ошарашено смотрел на внезапно расплакавшуюся женщину.

– Даша, вы с ума сошли!? Прекратите сейчас же реветь! Подарю я вам такое же или... – Пал Палыч запнулся на полуслове и внимательно посмотрел на Дашу. – Вы что, верите во всякие дурацкие приметы? Мол, зеркало разбилось к несчастью, то да се...

Даша плакала, закрыв лицо руками, и не отвечала.

– Это же чепуха! – попытался убедить ее Пал Палыч и даже рассмеялся, чтобы подтвердить свое неверие в подобные небылицы. – Вы же взрослая женщина, а верите во всякую ерунду, да еще плачете по этому поводу. Как вам не стыдно? – Пал Палыч вынул из кармана платок и подал его Даше, которая уже взяла себя в руки и только немного всхлипывала.

– Возьмите, вытрите глаза и нос. Только сильно не трите, а то распухнут.

– Спасибо, извините меня, Павел, – шмыгая носом, произнесла Даша, вытирая покрасневшие глаза. – Что-то нервы совсем сдали.

Она подошла телефону и набрала какой-то номер.

– Таня, это я. У тебя все в порядке? Пятерку по чтению? Молодец, умница. У тебя до которого часа сегодня уроки? Хочешь я тебя встречу? Нет? Ну, ладно. Только сразу домой, к Катьке не заходи. Ты обедала сегодня? Умочка. Все, Танюша, пока. Перемена закончится, телефон не забудь отключить, а то Любовь Михайловна мне уже жаловалась. Ну, все, все! Целую!

Даша положила трубку. Видно было, что она окончательно успокоилась, и ей неловко, что она ни к селу, ни к городу разревелась в присутствии постороннего человека.

– Все в порядке? – серьезно спросил Пал Палыч

– Ага. В порядке! Извините меня еще раз! – вздохнула Даша.

– Да ничего страшного, тем более, что я сам вас довел до слез из-за своей врожденной неуклюжести, – успокоил женщину Колосков. – Где тут у вас веник, стекла надо подмести, – повторил свою просьбу Пал Палыч.

– Возьмите в туалете, а я пока чайник поставлю. Должна же я вас хотя бы кофе напоить. Вы же пьете кофе, Павел?

– Я все пью! – весело откликнулся Пал Палыч из коридора, собирая осколки веником на совок.

– Ах, вот как! – в тон ему отозвалась Даша. – Тогда, может, коньяка? Нервы успокоить?

– Спасибо, Даша, честно говоря, с удовольствием! – ответил Пал Палыч, с грохотом сыпая осколки в мусорное ведро. – Только сначала проверьте, кошка его случайно не выпила?

Даша рассмеялась в ответ.

– Нет, на месте.

Она достала из верхнего шкафчика кухонного гарнитура плоскую бутылочку-фляжку «Московского» коньяка и пошутила:

– Думаю, Люське граммилку нужно оставит, чтобы похмелилась. Кошка – тоже человек.

– Вы – очень чуткая и добрая, Даша, – произнес Пал Палыч, заходя в большую просторную кухню, и предложил: – Чем вам помочь?

– Достаньте, пожалуйста, из холодильника лимон и порежьте его. Ой, извините, – спохватилась Даша, – может, вы голодный? У меня борщ и котлеты есть.

– Нет, нет, спасибо! Я не голодный, честное слово. Мы с Гариком так славно отобедали сегодня, – признался Колосков

– Кто это Гарик? Ваш сын? – поинтересовалась Даша, доставая коньячные рюмки.

Колосков засмеялся.

– Почти... – пояснил он. – Это мой пес. Ему еще нет года. Очаровательнейшая рыжая морда. Аппетит, как у акулы, а темперамент, как у мексиканского бандита. Тут я по глупости взял его с собой на вызов, – начал рассказывать Пал Палыч, нарезаая лимон тоненькими дольками. – Очень он гулять просился. Мне надо было одной египетской кошке укол сделать. Так вот. Звоним, значит, в квартиру. Открывает нам дверь хозяйка – такая томная, аристократичная пожилая женщина. На руках держит эту несчастную кошечку, которая к тому же возлежит на голубенькой подушечке. Имя у нее, у кошечки, то есть, такое мерзкое – Эсмеральда. Так вот, мой бандит, завидев эту бедную Эсмеральду, ни с того ни с сего как подпрыгнет, да как рявкнет на нее. Обычно он к кошкам спокойно относится, но, видимо, такой аристократизм возмутил пса до глубины его собачьей души. Кошка, несмотря на болезнь, рванула со своей подушки с диким ревом на шифоньер, поцарапала при этом хозяйку, которая с перепугу села на пол. В общем, мне пришлось Гарика привязать в подъезде. А потом приводить в чувство хозяйку и снимать с шифоньера напуганную до полусмерти чертову Эсмеральду, которая ни за что не хотела спускаться вниз, и всего меня исцарапала.

– С вами не соскучишься, Павел! – смеясь, сказала Даша. – То крыса дохлая, то кошка египетская... Ну, ладно, разливайте коньяк.

Пал Палыч свернул бутылке жестяную голову, и разлил коричневую, ароматную жидкость по рюмкам с высокими ножками.

– Даша, – продолжая улыбаться, Колосков посмотрел на хозяйку, поднял свою рюмку. – Давайте выпьем за знакомство и за здоровье вашей кошки.

– Давайте, Павел, – согласилась с этим двойным тостом Даша и взяла свою рюмку.

Они чокнулись. Пал Палыч выпил сразу все. Даша отпила половинку, поставила рюмку на стол и вдруг поймала удивленный взгляд Пал Палыча. Он смотрел на ее руки, покрытые белесыми на фоне загара шрамами.

Даша быстро опустила рукава кофточки, которые подтянула, когда мыла рюмки.

– Даша, извините, что у вас с руками? – встревожено спросил Пал Палыч.

– В детстве порезалась, – нехотя призналась Даша.

– Ничего себе «порезалась»? У вас же все руки исполосованы! – недоумевал Колосков.

– В детстве с девочками дома играли, зеркало большое разбилось, а я бежала и на эти осколки со всего маху упала. Вот теперь память на всю жизнь... – Даша усмехнулась. – Спасибо мужу, царствие ему небесное, денег дал на пластическую операцию, а то на руки смотреть было и вовсе страшно.

Колосков некоторое время, молча, и очень серьезно смотрел на женщину.

– Даша, ради Бога, простите меня. Теперь я понимаю, – он осторожно коснулся ее руки, – почему вы так отреагировали, когда я разбил зеркальце. Конечно, вы пережили сильнейший

шок и теперь подсознательно связываете разбитое зеркало с какими-то возможными несчастьями...

– Нет, Павел, я абсолютно убеждена, что зеркало разбивается к большой беде. И это не из-за приметы, а просто личный опыт... Дело не в том, что я порезалась, а в том, что после этого вся жизнь пошла наперекосяк. У меня, у мамы, у отчима... Мне страшно, Павел. Страшно за себя и за дочь. Я боюсь, что она может утонуть, купаясь в бассейне... Боюсь, что переходя дорогу, может попасть под машину... – Даша помолчала с минуту, глядя в стол, а затем сказала: – Наливайте-ка себе коньяка, Павел. У меня еще осталось в рюмке.

Колосков налил себе, добавил Даше и удивился, когда она, не дожидаясь тоста, залпом выпила содержимое рюмки.

«Ну какой я медведь. Опять расстроил женщину», – подумал Колосков, а вслух сказал:

– Знаете, Даша, я когда-то всерьез интересовался механизмом возникновения несчастных случаев, изучал приметы и проверял их на себе. Например, специально просыпал соль и ждал, что будет. Смело шел прямо, невзирая на перебегающих дорогу черных кошек, носил одежду шиворот навыворот... Но это не работает по заказу, все дело в предрасположенности, если хотите, даже предначертанности. Как говорил Воланд, кирпич ни с того ни с сего никому на голову не падает. Я уверен, что будущую судьбу человека можно прочесть на его лице. У каждого, кто носит в себе, как злокачественную опухоль, предпосылки собственной гибели при несчастном случае, в глазах заметна печать обреченности... – Пал Палыч подумал, что опять болтает черт те что, вместо того, чтобы успокоить Дашу, и весело заключил: – А в ваших прекрасных глазах, Даша, никакой печати обреченности я не вижу!

Но Даша вдруг резко поднялась, и не говоря ни слова, вышла из кухни, оставив Колоскова гадать, чем он ее обидел. Вернулась она с белой канцелярской папкой в руках, пододвинула табуретку к столу и села рядом с Пал Палычем.

– Хочу показать вам кое-что по поводу печати обреченности, – сказала Даша, раскрывая папку.

В папке хранились какие-то фотографии, в основном, черно-белые, и газетные вырезки. Даша взяла первую фотографию: групповой снимок детей дошкольного возраста в новогодних костюмах. Лица двух ребят были обведены красным фломастером. Колосков отметил, что Дашина рука слегка дрожит.

– Саша Терентьев, – Даша показала на пухлого мальчика с большими плаксивыми губами, в костюме зайчика. Одно длинное белое ухо на шапке торчало вверх, другое почему-то безвольно свисало вниз, что придавало мальчику смешной и трогательный вид. – На прогулке в садике, упал с невысокой горки, ударился головой и через сутки умер в больнице, не приходя в сознание... За день до этого подрался с Костей.

– Кто это, Костя? – едва слышно спросил Колосков.

– Мой младший брат, – ответила Даша, и бесстрастно каким-то учительским голосом продолжила: – Миша... фамилию не помню, вылил моему брату за обедом на голову кисель, в тот же день попал под раскачивающуюся качелю, долго лежал в больнице, остался дурачком...

Мальчик в ковбойской шляпе на снимке радостно и беззаботно улыбался.

Даша взяла следующую фотографию, на обороте детским корявым подчерком было написано: другу Костеку от подружки Иры. Девочка, лет шести, с большими бантами на подвитых хвостиках весело смотрела в объектив, у нее были чудесные ясные, вероятно, серые или голубые глаза, и маленький независимо вздернутый нос.

– Ирочка Иванова, соседка по двору... Довела Костю до слез, когда они играли в песочнице, дразня его толстяком... Выпала с четвертого этажа. Разбилась насмерть.

Колоскову стало страшно.

«Вот так милая женщина, – подумал он. – Да она же сумасшедшая! Нормальный человек не станет собирать такой жуткий архив... А может она того... за брата мстила? Можно и с горки спихнуть, и под качели бросить, и с балкона...»

Даша сидела вполборота к нему, и Колосков опасливо покосился на ее профиль, страшась увидеть очевидные признаки безумия в ее лице.

«Как бы мне в архиве не оказаться», – трусливо подумал Пал Палыч, и услышав новый комментарий, произносимый все тем же будничным тоном: «Пятеро старшеклассников отобрали у Кости мяч... Красно-белый мяч, который я подарила ему на день Рождения и который он бросал в ржавое ведро...», – взглянул на газетную вырезку, которую Даша ему показывала.

У Колоскова все поплыло перед глазами. Ему показалось, что он теряет сознание: из пяти фотографий, помещенных над газетным некрологом, взгляд выхватил лица его лучших школьных друзей – близнецов Федоровых, Кирилла и Сережи. Улыбаясь хорошими открытыми улыбками, они смотрели прямо на него. Природа – удивительная волшебница – создала два абсолютно одинаковых лица, но повинуясь внезапному капризу, пометила лицо Кирилла особой приметой – почти белой, словно наполовину выгоревшей левой бровью. У Сергея же обе брови были черные, одинаково ровные. И характер у Сережи более ровный спокойный, тогда как Кирилл – отчаянный хулиган и сорви-голова, был проклятием для учителей и родителей чистеньких домашних мальчиков.

У Пал Палыча, взрослого самодостаточного человека, прожившего на свете больше трети века, защемило сердце и защипало глаза. Их дружба, когда-то скрепленная кровью на старом кладбище, была жива. Ребята умерли, а дружба умереть не могла. Просто Пал Палыч, словно заключив договор с Роком, двинулся дальше, а они остались там, в своем не закончившемся детстве, носиться по гаражам и лупить по мячу. Мяч. Красно-белый мяч.

И он вспомнил, как давным-давно они возвращались из школы в тот ржавый от облетевшей листвы холодный октябрьский день. Пал Палыч на минутку заскочил в магазин купить газировки, и вернувшись во двор, где ждали его пятеро одноклассников, увидел, как они носятся, перепрыгивая через замерзшие лужи, гоняя яркий на унылом осеннем фоне красно-белый мяч. А в стороне истошно ревел какой-то малыш, и серьезная девочка, лет четырнадцати, что-то возмущенно кричала парням. И они, наконец, обратив внимание на эти крики, вернули мяч, извинились и шутливо пообещали, что «больше не будут».

Это она толкнула их под КамАЗ?.. Отомстила за брата?.. Но как? Это невозможно.

Колосков встал. Даша, увидев его белое лицо, отшатнулась.

– Мне надо идти, – сдавленно выговорил он.

– Павел, я ведь ничего вам не рассказала... Прошу вас, не уходите! – У женщины были растерянные испуганные глаза. – Я не сумасшедшая! Я ведь только хотела...

– Даша, я вам позвоню. Обязательно позвоню, но сейчас мне надо идти, я должен подумать. До свидания!

Когда входная дверь захлопнулась, Даша разрыдалась. Никто никогда ничего не поймет. И никто не поможет.

Глава 4

Состав дернулся всем своим телом, и медленно набирая ход, отвалил от перрона. За окном купе мелькали озабоченные, волокущие огромные клетчатые сумки люди, тетки в рыжих жилетах с большими молотками, бабушки, державшие в руках пуховые платки и корзинки с пирожками, бездомные собаки и милиционеры. Уже почти стемнело. Поезд, развив свою привычную скорость, азартно стуча колесами, держал направление на восток. До Барабинска, где он намеревался купить что-нибудь перекусить, оставалось ехать еще часа четыре. Он сидел один в четырехместном купе и бессмысленно смотрел на темную, с россыпью тусклых огоньков на горизонте Барабинскую степь, уныло простиравшуюся за окном. В дороге он был уже около двух суток, и все эти двое суток, с самой Москвы ехал в полном одиночестве.

В октябре, после августовско-сентябрьской давки, когда многие возвращаются из отпусков, на железной дороге наступает затишье. Купейные вагоны в это время остаются полупустыми: люди предпочитают из экономии ездить в плацкарте. Правда, ночью в Ярославле, зашла одна немолодая пара. Долго, сопя и переругиваясь шепотом, затаскивали сумки в купе. Но буквально через час они, уговорив проводницу, перебрались в соседнее купе, где были свободны только верхние места.

Такое поведение несостоявшихся попутчиков нисколько его не удивило. В купе он почти всегда путешествовал один. Попутчики, войдя в его купе, чаще всего сбегали от него в течение часа, если, конечно, находились свободные места. За последние лет восемь-девять, после того как поступил на филфак питерского университета, он довольно часто ездил на различных поездах, и такое происходило с ним постоянно.

Чем же можно напугать и заставить сбежать из купе своего попутчика? Непробудным пьянством, навязчивыми разговорами, анекдотами или жутковатым внешним видом. Но если он и пил, то безобразно пьяным, так что бы вызвать отвращение, не бывал никогда, человеком был замкнутым и разговаривать не любил, анекдотов не запоминал, да и вид имел вполне интеллигентный. Он привык к одиночеству, хотя и страдал от него.

Сколько себя помнил, он всю жизнь был одиночкой. В детстве дети не хотели с ним играть, и он бродил всегда один. Как-то, еще до школы, он подружился с девочкой, но через некоторое время она умерла. В школе, в течение всех десяти лет учебы у него не было ни одного друга, мало того, с ним избегали сидеть за одной партой. При этом никто его не обижал, он не был тем забитым мальчиком, в которого плюют жеванной бумагой, подкладывают на стул кнопки, дают пинки, ставят саечки «за испуг» и играют его ранцем в футбол. Его просто не замечали.

Учился он неплохо, был твердым хорошистом, но даже отпетые двоечники Козлов и Сапрыкин никогда не просили его дать им списать «домашку». В классе седьмом-восьмом, когда дети стали превращаться в подростков, на свободных квартирах начали устраиваться вечеринки с танцами-обжиманцами, на которых собирался весь класс. Он ни разу не побывал на подобных мероприятиях. Его попросту не звали. Правда, один раз, уже в девятом классе, он решил сходить на новогоднюю дискотеку, которая проходила в школьном спортзале. И то потому, что неожиданно влюбился в девочку из своего класса по имени Вера.

Проучившись с ней в одном классе бок о бок почти десять лет, не замечая ее, последний месяц он стал испытывать какое-то мутное и волнующее чувство, когда смотрел во время урока на ее фарфоровое личико, склоненную над тетрадь светлую голову с короткой тугой косой, заколотой большой, овальной заколкой. Тщательно причесавшись, надев темный костюм и кожаный узенький галстук, он пришел на дискотеку с твердым намерением пригласить Веру на танец.

После одного из хитов суперпопулярной группы «Модерн Токинг», наконец-то заиграла медленная музыка. Он, передвигая одеревеневшие от страха ноги и с трудом сглатывая слюну пересошим горлом, подошел к лавочке, где сидела Вера в компании своих подруг. Вера была вся в белом, она распустила свою косу, кончики волос немного подвила, и эти завитки красиво обрамляли ее симпатичное, свежее личико.

При его приближении девочки замолчали и, приоткрыв рты и подняв головы, вопросительно посмотрели на него. Он подошел к Вере почти вплотную и кивнул, приглашая девушку на танец. Вера не двигалась с места, только с любопытством некоторое время смотрела на него. Потом, отведя взгляд и прикрыв рот рукой, прыснула от смеха. Подружки дружно захихикали. Ничего не видя перед собой и чувствуя, как пылает лицо, и шумит в ушах, он повернулся и побрел в раздевалку.

На следующий день он узнал, что самое интересное, вернее, самое страшное, на новогоднем вечере он пропустил: во время заключительного медленного танца, когда пары, обнявшись и держа в руках сверкающие бенгальские огни, кружились по спортзалу, от искры загорелось Верино платье. Платье удалось быстро затушить, но Вера получила ожоги, и прямо с праздника ее увезли в травмпункт. Больше ни на какие школьные вечеринки он не ходил, и даже на выпускном вечере в десятом классе, получив аттестат, сразу же ушел домой.

Поезд замедлив скорость, подкатывался к Барабинску. Были слышны отрывистые гудки тепловозов и неразборчивые переговоры диспетчеров по громкоговорителю. Большой мощности прожектор на несколько секунд осветил купе неживым белым светом, слепя глаза. Состав пропелся еще несколько десятков метров, и, качнувшись, встал. В вагоне без привычного перестука колес стало тихо. Заклацали двери купе, по коридору зашаркали торопливые шаги. Он тоже встал, накинул куртку, и, нащупывая в кармане кошелек, вышел из купе. Спрыгнув на перрон, и ощущая непривычную ногам твердую почву, он огляделся. Взад-вперед сновали женщины, мужики, молодые парни и девки со связками распластанных золотисто-коричневых судаков, сазанов, карасей и лещей.

«Барыбинск», – мысленно сострил он и направился к ближайшей тетке, которая визгливо вскрикивала:

– Судачок, судачок, копчененький!

Прикупив судака, он подошел к ларьку, где толпилась небольшая очередь, состоявшая сплошь из пассажиров поезда. Через несколько минут, зажав в одной руке рыбину, а в другой большой пакет, он вскарабкался в вагон.

Войдя в свое купе, он увидел парня лет двадцати трех, который, что-то энергично жуя, откупоривал бутылку «Балтики».

– Здорово, сосед! – широко улыбнувшись, сказал парень.

– Привет! – ответил он, ставя пакет на сиденье, и снимая куртку

– Тебе докудова пилить? – живо поинтересовался парень, делая смачный глоток.

– До самого конца! – он выгрузил на стол, где уже стояли три бутылки «Балтики-тройки», и лежал растерзанный лещ, пачку «Доширака», хлеб, нарезку колбасы, копченого судака, плавленый сыр «Дружба» и пару бутылок «Бочкарев».

– Мне тоже! Земляки, значит! Мне, правда, еще потом до Белого Яра добираться, но это фигня. Меня Иван зовут! – парень протянул руку.

– Костя. – пожимая ее, ответил он

– Ты откуда едешь? – не унимался парень, отрывая от леща кусок и заталкивая его себе в рот.

– Из Питера, – ответил Костя и, присев за стол напротив Ивана, с пшиком открыл бутылку «Бочкарева». – Угощайся! – предложил он парню, указывая на судака, величиной с большую тарелку – Гораздо вкуснее твоего леща.

– Спасибо, – парень отломил небольшой кусок от судачьей спины и стал жевать. – Правда, ничего, но лещ тоже хороший, попробуй. На карьере возле аэропорта, знаешь, как мы с другом их ловили. . .

Некоторое время молчали. Парень, ковыряя рыбу, пару раз украдкой исподлобья взглянул на Костю. Так, словно только сейчас увидел в нем то, что ему не очень понравилось.

– А чего тебя в Барабинск занесло? – чтобы прервать затянувшееся молчание, поинтересовался Костя, делая большой глоток из горлышка.

– Да, так, дела! – парень вдруг поскучнел и отвернулся к окну.

Минут десять они молча смотрели в окно. Поезд уже тронулся, и Барабинск исчез в темноте. Костя заметил, что от бывшего оживления у парня не осталось и следа. «Начинается», – подумал он.

– Пойду покурю, – буркнул парень. Он поднялся из-за стола и, захватив с собой бутылку и леща, вышел из купе.

Костя допил пиво. Поняв, что есть расхотелось, прибрал на столе и принялся расстилать постель. Парень вернулся минут через пятнадцать с комплектом белья, без единого слова застелил постель на верхней полке и улегся, отвернувшись к стене. На столе позвякивали, касаясь друг друга стеклянными боками, две бутылки пива «Балтика». «Надо было их под стол убрать, чтоб не грохнулись», – сквозь сон подумал Костя.

Проснулся он поздно. В купе было уже совсем светло. Костя приподнялся и посмотрел на лежавшие на столике часы. Они показывали начало двенадцатого. «Новосибирск уже проехали, осталось меньше суток телепаться», – вяло подумал Костя, взглянул вверх и ничуть не удивился. Полка, на которой сегодня ночью спал его попутчик, пустовала. Полосатый в пятнах матрас был аккуратно скатан, подушка стояла рядом по-армейски «уголком». Пива на столе не было.

– Адын, савсэм адын, – не очень весело произнес Костя и стал убирать постель. Убравшись, и взяв умывальные принадлежности, он отправился в сортир. В вагоне царил оживление: по радио скулил Николаев, почти все купе были распахнуты настежь, и оттуда доносились детские крики, хохот и удушливый аромат лапши «Роллтон». В последнем купе у туалета он заметил своего вчерашнего попутчика. Тот размахивал руками и громко рассказывал какой-то анекдот своим новым соседям – двум парням и девушке. Стол у них был заставлен пивом и завален пакетами с чипсами и кириешками. Парни и девка громко ржали.

Умывшись и посвежев, Костя вернулся в свое купе. Позавтракав колбасой и хлебом, он открыл оставшуюся с вечера бутылку «Бочкарева» и увлекся чтением цветастой газетенки под глубокомысленным названием «Лабиринты секса». Прочитав захватывающую статью «Оргазм у шимпанзе», он почувствовал что, то ли от подробностей интимной жизни приматов, то ли от выпитого с утра пива, его клонит в сон. Костя отложил газету, откинулся спиной на стену, и, положив ноги на противоположный диванчик, стал смотреть на пробегающий за окном серый пейзаж.

Вдоль железнодорожного полотна тянулась однообразная, прозрачная от осенних ветров, лесополоса. Поезд скрипел, покачивался и, выбивая колесами какой-то однообразный ритм, приближался к Ачинску.

В дверь купе тихонько постучали.

– Можно, входите! – выпрямляясь и убирая ноги с полки, разрешил Костя.

Дверь с дребезжанием и визгом потихоньку отъехала в сторону. В дверях купе стояла маленькая девочка лет шести. Глянув на нее, Костя вдруг почувствовал, как его сердце сжимается в комок. От ужаса мгновенно вспотела спина, все тело вдруг стало ватным.

Девочка была одета в грязную, заляпанную бурыми пятнами и засохшей грязью желтую кофточку, правый рукав был оторван, обнажая синевато-серую, безобразно распухшую, всю

в лиловых кровоподтеках, неестественным образом выгнутую руку. Светлые колготки ее были испачканы землей, с налипшими сухими листьями. На правой коленке зияла большая рваная, окровавленная по краям дыра. Сквозь нее виднелась красно-черная, запекшаяся рана.

Девочка была в одном сандалике. Ее бледно-зеленоватое личико казалось спокойным и равнодушным. На правой стороне головы каштановые волосы свалились от засохшей крови и были забиты землей. На щеке виднелось огромное, темное, вдавленное внутрь пятно. На подбородке засохли кровавые подтеки. Левый светло-голубой глаз девочки смотрел на него прямо и бессмысленно, а правый, лишенный глазного яблока, был мертв.

Костя узнал ее.

«Не может быть! Ты не можешь прийти наяву!», – хотелось крикнуть ему, но язык не слушался.

Тем временем девочка, переступив через порог, повернулась к нему спиной и вцепившись в металлическую ручку уцелевшей рукой, с трудом закрыла дверь. Затем она повернулась и села напротив. Ножки девочки не доставали до пола, и большой пальчик ноги, торчавший из дырочки на колготках, касался его колена.

– Привет, Костик, – произнесла девочка дребезжащим голосом. – Ты меня не забыл?

– Привет, Ира! – еле слышно произнес он. – Откуда ты взялась?

– Из глобика, – ответила девочка и захихикала. При этом из ее рта брызнули и быстро потекли по подбородку две тоненькие, алые струйки. – Ты меня убил и я умелла, но я все лавно люблю тебя, потому что ты мой друг. Я по тебе очень скучала там, Костик. Давай во что-нибудь поиграем?

– Ира, я тебя не убивал, – Костя еле ворочал языком в пересохшем от ужаса рте.

– Нет, это ты меня убил. Я тебя, тогда в песочнице маленьенько подлазнила, а ты обиделся и убил меня.

Лицо девочки перекошилось, разбитые губы задрожали, из изуродованного глаза вытекла и побежала по щеке большая, кровавая слеза. Девочка плакала. Она плакала так, как бывает плачут маленькие девочки, когда их несправедливо наказывают родители, негромко и очень горько.

– Костик, зачем ты меня убил? Зачем я умелла? Я хотела поколмить на балконе синичку хлебушком, но упала вниз, удалилась головкой и умелла. Я же такая маленькая, зачем мне было умилать? – Лицо девочки исказила судорога, она протянула к нему свою страшную, искаленную руку и закричала, кривясь от слез: – У меня лучка болит! Помоги мне, Костик! Ну, пожалуйста! – умоляла она его, вытирая другой рукой текущую по подбородку кровь.

– Обними меня, Костик! – отчаянно крикнула девочка. Вскочив и раскинув руки, она бросилась к нему. – Пожалей, меня!

Костя отшатнулся назад и больно ударился головой об стену...

Поезд стоял. На перроне перекрикивались проводницы. Несколько секунд Костя отходил от кошмара, непонимающе глядя перед собой. Он ощущал страшное сердцебиение, мокрая от пота рубашка прилипла к спине. Постепенно сердцебиение пришло в норму. Подрагивающей рукой он взял со стола бутылку «Бочкарева» и одним глотком допил его остатки. Пиво освежило пересохшую глотку, и он окончательно пришел в себя.

– Фу, ты черт! – выдохнул он, почесывая ушибленный затылок. – Давненько я ее не видел. Бог мой, неужели опять началось... – бормотал Костя, шаря под столом в поисках минералки. Жадно глотая прямо из бутылки, отдающую в нос минеральную воду, он прокрутил в голове увиденный во сне кошмар. Он был напуган. Кошмары, которые не мучили его уже почти год, похоже, вернулись опять и с новой силой. Неужели, он снова будет бояться уснуть, не будет гасить на ночь свет, а перед сном, чтобы избежать кошмаров, станет глушить свой мозг водкой.

Страшные сны начали сниться Косте давно, еще с детского сада. Первый кошмар он увидел через несколько дней после похорон Саши Терентьева, мальчика из их группы, который,

расшиб себе голову, упав на прогулке с невысокой горки. Ему приснилось, что Саша, тихонько отворив дверь, заходит в его комнату. У него безобразно раздута голова, глаза закрыты, лицо мертво. Он подходит к его кровати и садится у него в ногах. Костя чувствует тяжесть его тела и ледяной холод, исходящий от него. Саша начинает что-то говорить страшным, недетским голосом, причем рот его не раскрывается, а губы не шевелятся...

На этом месте Костя с криком проснулся, весь в слезах прибежал в комнату к старшей сестре и забрался к ней в постель. Она его успокоила, и он заснул.

С тех пор Саша стал приходить к нему исправно, раза два в месяц. Затем, примерно через полгода после первого Сашиного визита, ему вдруг начали сниться незнакомые взрослые пацаны.

Он видел, как идет по улице, и вдруг оказывается в каком-то большом помещении. Там очень темно, только на полу посреди комнаты стоят пять зажженных свечей. Вдруг из темного угла один за одним появляются незнакомые ребята. Их пятеро. Лица у них как бы смяты, и черт не различишь. Туловища у всех изуродованы. У одного даже нет ног, и он передвигается на руках. Они окружают Костика и молча смотрят на него. Он замечает в руке одного из чудищ красно-белый мяч, который подарила ему сестра. Чудище протягивает мяч ему...

Он стал видеть этот сон регулярно один раз в году, осенью. Но и этого ему хватало с лихвой.

Ира Иванова, которая только что пожаловала к нему в купе, была его подружкой со двора. Она упала с балкона четвертого этажа и разбилась насмерть. Маленький Костик очень переживал ее смерть, и в первую же после похорон ночь она навестила его во сне. Стоя в лужице крови, она горько плакала и тянула к нему изуродованную ручку... Последний раз до ее появления в купе, он видел Ирочку, лет пять назад.

Одним из самых страшных был кошмар, в котором являлся ему погибший отец.

Отец, однажды разругавшись с матерью и надавав десятилетнему Костику подзатыльников, за то что он вмешивался в их ссору, психанул и пошел ночевать к другу. По пути он провалился в канализационный люк... На девятый день, после поминок, Костик увидел сон. Они с мамой и сестрой стоят на кладбище, глядя, как гроб отца опускают в могилу. Потом они подходят к ее краю и смотрят вниз. В это время крышка уже полусасыпанного землей гроба отца срывается. У отца – страшное, синее лицо. Он поднимается, медленно садится и вдруг хватается Костика за ногу, и тащит вниз. Костя цепляется руками за край могилы, кричит, просит помощи у мамы и сестры, но они словно его не видят и только плачут... Этот кошмар повторялся несколько раз в год.

Чем взрослее становился Костя, тем больше появлялось новых персонажей в бесчисленных лабиринтах его ночных кошмаров. Костя стал со страхом ждать ночи, пил кофе в немислимых дозах, чтобы не заснуть. Читал, играл сам с собою в шахматы, придумывал себе другие ночные занятия. Сестра водила его к психиатру, и тот выписал ему какие-то таблетки, после которых он засыпал тяжелым сном без сновидений, а просыпался в жарком поту, разбитый и измученный. От таблеток пришлось отказаться.

После того как, окончив школу, он уехал из родного города и поступил на филфак Ленинградского университета, кошмары неожиданно прекратились. Повлиял климат или смена обстановки, но Костя на какое-то время почувствовал себя счастливым. Затем кошмары вернулись, но уже с новыми персонажами. Одним из этих персонажей была девушка из его группы. Ее звали Надя. Они стали встречаться в конце первого курса. Костя души не чаял в красивой, темноволосой, всегда жизнерадостной, девушке. Она отвечала ему взаимностью. Но на втором курсе, вернувшись после зимних каникул, проведенных у себя дома, в Воронеже, Надя вдруг с какой-то неожиданной жестокостью объявила ему, что никогда не любила его, и что в Воронеже у нее есть жених Вова. Весной он приедет к ней, и они поженятся. Она показала Косте фотографию рослого белобрысого малого с широченной улыбкой и туповатой мордой.

Но свадьба не состоялась. Через неделю после их разрыва, Надя вместе с подружками и парнями с пятого курса поехали на выходные отдыхать за город. Ночью их коттедж загорелся. Все были пьяные. Выбраться никто не сумел. С тех пор Надя стала являться ему во сне, с обгоревшими волосами и запекшейся, угольной коркой вместо лица.

Самым последним персонажем был второй муж его сестры. Четыре года назад Костя приезжал на зимние каникулы домой. Мать в очередной раз вышла замуж и уехала в деревню, и хотя у него имелась собственная однокомнатная квартиру, он жил у сестры. В общем-то с Дашиным мужем он ладил. Но однажды, когда Сергей, вернувшись с работы усталый и злой, сорвал накопившееся за день раздражение на жене, они крупно поссорились. Костя вступился за сестру, и они чуть не подрались с Сергеем. После чего Костя собрал чемоданы и укатил обратно в Питер.

Через три недели он получил известие, что Сергей утонул на зимней рыбалке. С тех пор Костя частенько видел во сне Сергея. Тот приходил к нему в комнату общежития, распухший, с выеденными рыбами глазами, оставляя за собой мокрые следы.

После того, как Костя окончил филфак и устроился там же преподавателем, ночные кошмары стали одолевать его не на шутку. Измученный Костя обратился к врачу. После курса лечения кошмары прекратились. Успокоенный и обрадованный, он взял отпуск и решил поехать домой к сестре и маленькой племяннице, которых не видел уже четыре года. Получил отпускные, содрал гонорары с издательств, куда он относил свои статьи по филологии, купил билет и поехал. Впрочем, уверенности, что сестра обрадуется его приезду у него не было, но он так истосковался по человеческому общению, что рискнул и выехал, даже не предупредив ее телеграммой.

Поезд тронулся. До Ачинска оставалось ехать меньше часа. Костя с тоской смотрел в окно на грязноватый октябрьский пейзаж. За окном мелькали столбы, вороны носились над пустым лесом.

«Скорей бы уж приехать. Правда, еще в Ачинске целый час торчать, пока там электровоз на тепловоз менять будут» – с раздражением думал Костя. «Да и ночью спать наверное не придется, раз такие дела».

Неожиданно Костя вспомнил, что у него есть в сумке бутылка водки «Гжелка». Он купил ее еще в Москве, хотел отметить отъезд, но столица так его измотала, что он, устроившись в поезде, тут же уснул, не застелив даже постель.

Он залез в сумку и извлек поллитровую бутылку водки с бело-синей этикеткой. «Нервы успокоить, да и чтоб ночью спалось без снов», – думал Костя, делая бутерброды с копченой колбасой. Он отвинтил пробку, нацедил в стакан граммов семьдесят, выдохнул и проглотил горькую жидкость одним глотком. С аппетитом закусывая сервелатом, Костя чувствовал, как тепло от выпитой водки растекается по груди. Прожевывая колбасу, он тут же налил еще граммов сто, и снова выпил.

Костя повеселел. Водка слегка ударила в голову. Кошмар, пережитый днем, сейчас казался далеким и не страшным. Он встал и принялся вертеть расположенную над окном ручку радио. Раздался BLEЮЩИЙ ГОЛОС КАКОГО-ТО ПЕВЦА. Дверь купе резко открылась. Костя вздрогнул и с замирающим сердцем обернулся.

– Санитарная зона, закрываем туалеты. Идите заранее. В Ачинске целый час будем стоять, опять все тамбуры зассут, – сказала проводница, засовывая голову в купе. У нее было неприятное, испитое лицо. Ее глаза остановились на бутылке с водкой.

– Это еще что такое? – тут же, как будто обрадовавшись поводу поскандалить, завопила она. – Я же предупреждала, что водку в вагоне пить нельзя, пиво только, и то немного, – у нее был противный, какой-то птичий голос. – Я сейчас милицию вызову, пусть они вас ссодят с поезда! – продолжала верещать она.

– Да, я сейчас все уберу. Не кричите, ради бога! – пытался успокоить ее Костя.

– Уберу! – передразнила она его. – Нажрался уже с утра, алкаш. Ты ж пока все не вылакаешь, не успокоишься!

Костя разозлился.

– Попрошу без оскорблений, мадам. И вы мне не тычьте. И вообще... Он вдруг спохватился. «Нельзя допускать, что бы люди на меня орали, ни за что нельзя. Как же я об этом забыл?» – промелькнуло в его голове. И, отстранив вопящую проводницу, он выскочил из купе и почти побежал в тамбур.

В тамбуре было холодно. Простояв минут десять и замерзнув, он осторожно вернулся в вагон. Проводницы видно не было.

«Слава Богу, смылась! Может, все обойдется?» – подумал он, входя в свое купе. Закрыв дверь на замок, он сел за стол и плеснул себе в стакан «Гжелки».

– Хрен тебе, родная! – вслух произнес Костя и выпил.

Почти одновременно в коридоре раздался грохот, истошный вопль, а затем сдавленный вой. Обмирая, он выскочил из купе. Пробираясь среди выбежавших на крик пассажиров в сторону купе проводников, он увидел, что проводница, недавно скандалившая с ним, сидит на полу около бака с кипятком рядом с разбитыми стаканами, в мокрой форме, и с воем прижимает к себе красные, ошпаренные кисти рук. Ее напарница, причитая и помогая ей встать, суетилась рядом. Он вернулся в свое купе, залпом выпил полстакана водки и не раздеваясь, бухнулся на полку.

Глава 5

Даша стояла у зеркала и терпеливо выщипывала левую бровь. Она была в длинном, сиреневом халате, с замотанной полотенцем головой. Сегодня воскресенье – стопроцентный выходной, и Даша наслаждалась сознанием того, что не надо идти в редакцию и заниматься газетой. В квартире было тихо. Чуть слышно тикали старинные часы, подаренные ей на свадьбу матери. Они показывали десять часов утра. Дочка еще спала. Через приоткрытую дверь в детскую было видно ее спящее личико, рядом на подушке разместилась волосатая морда игрушечного медвежонка Федьки – Таниного любимца, с которым она не расставалась даже ночью. Кошка, которая спала свернувшись клубком в кресле, проснулась и с мягким стуком спрыгнула на пол. Потягиваясь, вытягивая задние лапы и зевая во всю пасть, Люська подошла к хозяйке и стала тереться боками и головой об ее халат.

– Привет, пьянчуга! – поздоровалась Даша с кошкой, орудуя пинцетом.

– Мяу! – жмуря желтые глаза, вежливо ответила Люська, одновременно намекая, что неплохо было бы позавтракать.

– Сейчас, сейчас, дай красоту навести! – Даша закончила экзекуцию, отложила пинцет и прошла на кухню.

Кошка, восторженно задрвав хвост, и путаясь у хозяйки под ногами, побежала следом. Даша достала из холодильника баночку «Китикэт» и вывалила корм в Люськину чашку. Кошка, благодарно урча, принялась за еду. Даша включила чайник и щелкнула пультом небольшого телевизора «Sony», стоявшего на холодильнике. На экране появилась морда Юрия Стоянова, переодетого женщиной. Стоянов что-то истерично взвизгивал и лупил половой тряпкой Олейникова, изображавшего пьяного мужа.

Чайник закипел, затрясся и, щелкнув красной кнопкой, вырубился. Даша приготовила себе кофе, всыпав в кружку с кипятком ложечку «Нескафе Голд», и, осторожно пробуя горячий напиток, рассеяно поглядывала в телевизор. На экране Стоянов, перевоплотившийся в страшного уродца Модеста, рекламировал майонез. Модя, трясясь от жадности и нетерпения, пытался залезть огромной ложкой в маленькую баночку.

Она очень любила такие моменты, когда можно спокойно посидеть в тишине, попить кофе, бессмысленно попялиться в телевизор и просто насладиться покоем.

Предстоящий день обещал быть насыщенным: в двенадцать часов ее ждал у себя в кабинете начальник республиканского управления ФСБ Юрий Антонович Лебедев, чтобы вычитать интервью, которое она взяла у него на прошлой неделе. Потом Юра, наверняка, пригласит ее в какое-нибудь кафе или даже ресторан...

Они познакомились полгода назад. Его перевели сюда из Якутского управления, с повышением. Юрий Антонович был занятой личностью. Он занимался альпинизмом, сплавлялся по горным рекам, играл на гитаре, писал стихи и пьесы. Очень любил женщин, за свои сорок восемь лет не раз женился, но на данный момент был в разводе. Начало их знакомству положило то, что Юрий Антонович, к сожалению, не видящий себя вне творческого процесса, написал очередную пьесу.

Эта довольно бездарная пьеса, о перепетиях личной жизни глубоко засекреченного агента ФСБ, навеянная то ли жалостью к себе, то ли восторгом от своей новой должности, была поставлена на сцене местного драматического театра. Главный режиссер театра Прошкин, прочитав пьесу, которая почему-то называлась «Последняя осень», сначала ставить ее отказался, но после непродолжительной телефонной беседы с главой республики господином Окунем, согласился. Публика, несмотря на широкую рекламу спектакля по местным телеканалам, отнеслась к многотрудной жизни агента ФСБ довольно прохладно и на премьеру не пошла.

Спасая престиж своего нового начальника, заместители Юрия Антоновича в приказном порядке распространили билеты среди сотрудников ФСБ. Похожим образом помогло МВД и местная воинская часть. В вечер премьеры к театру подъехало с десятков военных грузовиков, и оттуда, топая сапогами и поправляя пилотки, повыпрыгивали две сотни театралов. Сотрудники ФСБ пришли на спектакль в штатском, милиционеры сияли пуговицами, звездами и белоснежными форменными рубашками. Усилиями силовых структур аншлаг был обеспечен. Женщин в зале практически не было. В первых рядах сидели почетные зрители – председатель правительства, его заместители, министры и сам виновник этого скромного торжества с букетом гвоздик и в парадной форме.

Артисты играли вяло, паузы не выдерживали, текст произносили глухо и неубедительно, весь вечер их не покидало ощущение, что они выступают в каком-нибудь заштатном Доме офицеров. Курирующий культуру республики сотрудник ФСБ Казанок метался за кулисами, тщетно стараясь гримасами и угрожающими жестами вдохновить актеров и придать их игре приличествующий пыл.

Постановщик «Последней осени», режиссер Прошкин, сидел в гримуборной и уныло пил коньяк – его мало интересовало происходящее на сцене. Казанок вне себя ворвался к нему и, брызгая слюной, принялся ругаться и угрожать. На что пожилой режиссер философски ответил:

– Полноте, батенька, не горячитесь, не ваша вина, что спектакль – говно.

Под самый конец представления разразился небольшой скандал. Финальная сцена пьесы замышлялась так: в очередной раз брошенная любимой женщиной главный герой пьесы, майор ФСБ Соколовский, которого играл актер-пропойца Леонтьев, сидит за столом в голубом берете, одетый в тельняшку-безрукавку обнажающую на мускулистом плече татуировку ДМБ-84. Перед ним стоит бутылка водки и стакан. Соколовский пьет водку и грустно играет на гитаре «Последнюю осень» Шевчука. Пронизанные трагизмом зрители едва сдерживают слезы...

Но, похмельный, мучимый изжогой и головной болью, Леонтьев несколько иначе видел концовку спектакля. Сев за стол, страдающий от жажды актер, выпил из горла бутылку бутафорской водки (к его горькому разочарованию там оказалось обыкновенная вода), взял гитару и, начисто забыв все шевчуковские аккорды, принялся импровизировать.

После «Мурки» и «Гоп-Стопа», когда радостное удивление зрителей уже перерастало в болезненное, Леонтьев отложил инструмент, поклонился и с достоинством удалился за кулисы, где его уже поджидал обезумевший Казанок.

Но даже этот гениальный актерский ход не смог спасти унылого театрального действия. Спектакль, шедший два с половиной часа кроме Лебедева никому, включая актеров, не понравился. Даша, которой поручено было написать рецензию, на банкете после премьеры подошла к принимающему со всех сторон поздравления Юрию Антоновичу, задать пару вопросов для статьи.

Юрий Антонович был слегка опьянен коньяком и успехом (аншлаг все таки). И не беда, что никто из зрителей благодаря импровизации Леонтьева так и не понял, почему же спектакль назывался «Последняя осень». Леонтьева он великодушно простил и даже подарил ему свой букет гвоздик. Юрий Антонович, вообще, был человеком великодушным. Дашу он встретил очень любезно, посадил ее возле себя и весь вечер подливал ей коньяк, говорил приятные вещи, трогал за руку и читал стихи собственного сочинения.

Надо сказать, что Юрий Антонович во всех отношениях был приятным мужчиной. Высокий, подтянутый шатен, с красивым и мужественным лицом, он тщательно следил за своей внешностью и манерами, умел интересно и с юмором рассказывать, за женщинами ухаживал без пошлости и назойливости. В тот вечер Юрий Антонович проводил Дашу домой. Рассказ

зывая ей по дороге различные истории из своей жизни, он искренне и ненавязчиво говорил ей комплименты.

Проводив ее до двери и не напрашиваясь «на чай», Юрий Антонович договорился с Дашей, что будет ее ждать во вторник в шесть часов вечера у себя в кабинете, чтобы вычитать Дашину рецензию на его «Последнюю осень». Даше понравился симпатичный и остроумный полковник, и их отношения стали бурно развиваться. Лебедев одаривал ее цветами и водил в самый фешенебельный ресторан Южно-Енисейска «Сибирь».

Через месяц знакомства, Юрий Антонович пригласил Дашу вдвоем отдохнуть на таежной турбазе «Енисей». Даша подумала и согласилась. С тех пор каждую неделю дня два-три они проводили вместе: сидели в летних кафе, гуляли по улице, ездили на его «Крузизере» рыбачить на таежные озера, катались на катере по Енисею. Он помогал ей по дому, чинил протекающие краны и бачки, возил ее за продуктами на рынок. Даша почему-то стеснялась своих отношений с Лебедевым и никому о них не рассказывала. Когда надо было уехать с ночевкой она оставляла дочку у своей любимой подруги Людки Озеровой, говоря той, что едет в командировку. Она не собиралась за него замуж, уверенная, что у Лебедева таких подруг, как она, по крайней мере, еще штуки три, да и сам Юрий Антонович никогда даже не заикался о женитьбе...

Даша допила кофе и ушла в свою спальню. Она сняла халат и полотенце и стала выбирать белье, как вдруг раздался телефонный звонок. Даша вздрогнула. Как-то очень неожиданно, громко и зловеще прозвучал он в тишине еще сонной квартиры. Переступая босыми ногами по мягкому, с густым ворсом ковру, она подошла к аппарату, и почему-то волнуясь, взяла трубку.

– Алло! Здравствуйте. Кто это? Костя! – лицо ее вдруг побледнело. Разбитое зеркало, осколки стекла, кровь, страшная, невозможная, режущая боль.

– Ты приехал? – у Даши дрожали губы. – Костя, я сейчас не могу – умоляюще произнесла Даша. – Позвони позже, мне некогда, я очень занята, я не могу! – бормотала бессвязно в трубку Даша. – Я сейчас уйду, меня не будет дома, и Тани тоже нет она... она уехала, – в панике, едва не плача, говорила Даша. – Все я уйду! – чуть ли не выкрикнула она и бросила трубку. Господи, он в самом деле приехал...

Накинув халат, она подбежала к Таниной кровати и принялась будить дочь, тормоша ее за плечо.

– Таня, Танюша, вставай, надо вставать, – уговаривала дочку Даша.

Девочка открыла сонные глаза и удивленно посмотрела на мать.

– Мама, ты чего? Сегодня же воскресенье, в школу идти не надо? – Таня отчаянно зевала и терла глаза.

– Не спорь Таня, умывайся быстрее, одевайся, и пойдем. Я тебя отведу к тете Люде, она тебя покормит. Только давай быстрее, мне нужно срочно бежать.

– Мама, но я же могу дома посидеть, мультики по видеку посмотреть. Я не буду больше Люську валерьянкой поить, – девочка села на кровати и удивленно посмотрела на мать, – Мам, а ты чего такая испуганная?

– Да, нет, Таня, все нормально. Просто я не хочу тебя одну дома оставлять. Давай собирайся, Танечка! – взмолилась Даша. – Я опаздываю!

Таня пожалала плечами, слезла с кровати и пошла в ванну умываться.

Через десять минут Даша, одетая в осеннее пальто, и Таня в новой желтой курточке почти бегом пересекли двор и вошли в подъезд соседнего пятиэтажного дома. Они поднялись на второй этаж и позвонили. Дверь открыла заспанная, в одном халате худощавая и длинноносая Людка Озерова, Дашина подруга со школьных времен.

– Привет, Люда! – Даша запыхалась и тяжело дышала.

– Привет, родная! Ты чего в такую рань, да еще и в воскресенье? В командировку, что ли, опять собралась? Ну, ты, подруга, даешь. Выходной ведь!

– Ага, в командировку, – ответила Даша и попросила: – Пусть Таня побудет у тебя до вечера, ладно?

– Ради Бога, какой разговор, первый раз что ли? Да и моя Катька уже по Тане соскучилась. Как же, со вчерашнего вечера не виделись. – Людмила шире открыла двери. – Проходи, Танюша. Мать тебя, конечно, не покормила? – Людка с укоризной взглянула на Дашу. – Я сейчас оладушков вам с Катькой напеку. Будешь оладушки, Танюша?

– Спасибо огромное, Люся! – Даша повернулась и побежала вниз по ступенькам.

– Да ладно, не за что! – Людка с удивлением посмотрела ей вслед, покрутила пальцем у виска и закрыла дверь.

Даша, оглядываясь по сторонам, торопливо вышла на остановку, села в маршрутный автобус, и уже через пятнадцать минут подходила к высокому, этажей в двенадцать, серому зданию, где помещалось управление федеральной службы безопасности по республике. Даша поднялась по высокому крыльцу и с трудом открыла массивную, деревянную дверь.

В вестибюле за специальным барьерчиком сидел дежурный, невзрачный лысоватый прапорщик лет тридцати пяти с пшеничными, как будто побитыми молью, усами.

– Вы к кому, женщина? – строго спросил Дашу лысоватый, откладывая в сторону газету «Дело». Конечно, он прекрасно помнил ее. Она частенько заглядывала к Лебедеву на работу, последний раз Даша была у него неделю назад, брала интервью, и как раз дежурил этот лысовато-усатый. Но дежурные всегда делают вид, что видят вас впервые.

«Опасайтесь лысых и усатых», – промелькнуло у нее в голове название одной из ее любимых книжек писателя Юрия Ковалю.

– Я к Юрию Антоновичу, из газеты «Дело» по делу, – невольно скаламбурила Даша и улыбнулась.

Дежурный пусто посмотрел на нее выцветшими, рыбьими глазами —

– Записывающие устройства есть?

– Конечно, шариковая ручка, – с некоторой издевкой произнесла Даша.

– Подождите на лавочке, я сейчас ему позвоню, – буркнул он, и сняв трубку, принялся тыкать пальцем в телефон.

Даша присела на лавочку, достала из сумочки расческу с зеркалом и стала поправлять волосы, которые она в спешке толком не расчесала.

– Юрий Антонович, тут к вам женщина пришла из газеты «Дело», – в трубку доложил дежурный.

Даша терпеть не могла такие моменты, ей казалось, что в это время Лебедев смотрит в какое-нибудь специальное шпионское устройство и видит ее, сидящую на скамейке и покорно ждущую, когда господин начальник соизволит ее принять.

– Женщина, проходите к лифту, пятый этаж налево, в приемную, – положил трубку лысоватый.

«Без тебя знаю, чудище!», – про себя произнесла Даша, а вслух сухо поблагодарила. – Спасибо.

Поднявшись в широком, с зеркалами лифте и, пройдя немного по коридору, Даша вошла в приемную. Минувя пустой, по случаю воскресенья, кабинет секретаря, она открыла дверь в кабинет Лебедева.

Это было просторное, вытянутое в длину, помещение. Посреди кабинета находился длинный стол для совещаний, к нему перекладной, формирующей из столов вытянутую букву «Т», был приставлен массивный стол начальника. Вдоль стены стояли несколько стульев и пара кресел, на стене висел российский флаг и огромная карта Южно-Енисейской республики. Сам начальник сидел за своим рабочим местом под портретом Президента и, не слыша, что открылась дверь, смотрел в ноутбук.

Напряженное лицо Юрия Антоновича освещалось то синим, то красноватым блеском, указательный палец лихорадочно бил по пробелу.

«Играется, мальчик!» – почему-то с раздражением подумала Даша и кашлянула.

Лебедев поднял голову, нажал на паузу и расплылся в улыбке.

– Даша, золотко мое, здравствуй. Я так по тебе соскучился! – Распространяя аромат дорогого одеколona, Юрий Антонович подошел к Даше пружинистой походкой и, целуя в щеку, прижал ее к себе. Даша послушно чмокнула его в жесткий, хорошо выбритый подбородок.

– Привет! – поздоровалась Даша, позволяя Юрию Антоновичу помочь ей снять пальто.

– Дорогая, сделать тебе кофе или чай или, может, коньячку? – Лебедев был сама любезность.

– Спасибо, Юра. Кофе, если можно, – ответила Даша, усаживаясь в кресло.

– Дашенька, любовь моя, иди сюда, – позвал Юрий Антонович. Даша прошла в дальний угол кабинета, где находилась дверь в небольшое помещение, оборудованное под комнату отдыха. В ней размещались кожаный диван, стол, на котором стоял электрический чайник и чайный сервиз, небольшая книжная полка с книгами о шаманизме, стихами Блока, Брюсова и других поэтов «серебряного века», а так же большой железный сейф. На стене висели фотографии актеров и режиссеров местного театра, с которыми Лебедев сфотографировался на память после премьеры «Последней осени». Даша уселась на диван и взяла кружку с растворимым кофе «Черная карта», Лебедев достал из сейфа печенье и конфеты.

– Ну, как дела, милая? – спросил Юрий Антонович, садясь рядом на диван и приобнимая Дашу.

– Все нормально, интервью готово! – Даша порылась в сумочке и достала дискету. – На, прочитай, может, есть какие-то неточности.

Юрий Антонович взял дискету и направился к столу. По пути Лебедев обернулся.

– Даша, ты сегодня какая-то не такая. Что произошло? – серьезно спросил он.

– Да, так. Ерунда, ты сначала вычитай интервью, а потом поговорим, — ответила Даша.

Лебедев кивнул и уселся за ноутбук.

Пока Юрий Антонович читал интервью, Даша смотрела в окно, за которым виднелась большая площадь, красноватое здание мэрии, неработающий фонтан, с сидящими на скамейках вокруг него людьми, и громадное, типовое здание драматического театра.

«В Кызыле точно такое же. И в Ачинске, кажется», – вяло подумала Даша. Из ее головы никак не выходил утренний звонок неожиданно приехавшего брата. Она с ним не переписывалась и не перезванивалась уже давно, со смерти мужа. Потеряла его из виду и, честно говоря, была даже рада этому, хотя и любила его. Ее брат был странным человеком и вокруг него происходили странные вещи. Странные, если не сказать больше.

Ее размышления прервал севший рядом с ней Юрий Антонович.

– Все прекрасно Даша, – сказал Лебедев отдавая ей дискету, – отличное интервью! Спасибо тебе, лапочка, – он привлек ее к себе и поцеловал в краешек рта.

– Ты у меня умница! – Юрий Антонович вдруг спохватился, – Даша, я ведь для тебя стихи написал сегодня ночью. Хочешь послушать?

Даша равнодушно кивнула. Ей не нравились его стихи, они были бездарными и напыщенными. Редкие проблески искренности в них не могли повлиять на общее впечатление.

Юрий Антонович достал из внутреннего кармана пиджака записную книжку, раскрыл ее и начал читать, по своему обыкновению, немного подвывая:

И замираю я, и как юнец, немею
От вас не в силах отвести свой взор,
И счастью своему почти не верю,
И чушь мелю, болтаю всякий вздор.

«Это точно!» – не очень вежливо подумала Даша.

Юрий Антонович закончил читать, закрыл записную книжку, два раза сглотнул, как будто пытался справиться с волнением от прочтения собственных стихов, и немного охрипшим голосом, заглядывая Даше в глаза спросил:

– Нравится?

– Спасибо, милый. Прекрасные стихи, – она поцеловала его в щеку.

– Ну, ладно, рассказывай, что там у тебя стряслось? – Лебедев стал серьезным и убрал записную книжку обратно в карман пиджака.

Даша попросила еще кофе, собралась с мыслями и в течение часа рассказала Юрию Антоновичу о своем брате и всех бедах и неприятностях, с ним связанных.

Лебедев очень внимательно, почти не задавая вопросов, ее выслушал. После того, как Даша закончила рассказывать о гибели своего мужа и замолчала, Юрий Антонович встал, подошел к окну и, заложив руки в карманы брюк, долго стоял и молча смотрел на улицу.

– А ты уверена, что это не совпадения? – спросил он ее, не оборачиваясь.

– Господи, да, конечно, уверена. Неужели ты не видишь этой закономерности? Или ты мне не веришь? – спросила Даша.

– Верю, история дикая, но я тебе верю. И закономерность, конечно, вижу, но трудно в это сразу вот так поверить. Мы ведь иногда занимаемся подобными вещами. И, знаешь, всякое бывало, но с таким явлением я в первый раз сталкиваюсь. И что ты теперь собираешься делать?

– Юра, пойми, ведь с каждым, кто его обидит или оскорбит, обязательно что-нибудь случается. Иногда обходится какой-нибудь мелочью, но, по большей части, люди погибают. Девочка Ира со двора, пятеро мальчишек, отец... И мне, Юра, сейчас очень страшно, страшно за Таню, вдруг с ней что-нибудь случится. Посоветуй, что мне делать? – Даша замолчала и с надеждой посмотрела на Лебедева.

– Я так понимаю, ты опасаясь любого контакта с братом? Но тебе не обязательно его обижать или ссориться с ним, – произнес Юрий Антонович, отходя от окна и снова садясь на диван к Даше.

– Юра, я не дура, и не собираюсь с ним ссориться, но я боюсь и не хочу рисковать. Я не хочу с ним встречаться, мало ли что?

– Ты можешь пожить с Таней у меня, – неожиданно предложил Юрий Антонович.

– Нет, нет, не надо тебя впутывать! Еще не хватало, чтобы с тобой что-нибудь случилось! Да это и не важно, где жить. Он может прийти ко мне на работу, – Даша в волнении подкурила сигарету.

– Так возьми отпуск и уезжай вместе с Таней из города, поживете где-нибудь месяц, пока у него отпуск не закончится, – посоветовал находчивый Юрий Антонович.

– Куда уехать? – Даша чуть не плакала. – Тане в школу надо ходить, по математике у нее завал...

– Подожди, успокойся – Лебедев, обнял Дашу за плечи и спросил: – У него есть жилье, или он у тебя собрался остановиться?

– У него однокомнатная квартира, в поселке железнодорожников. Когда мама замуж вышла, они старую трехкомнатную квартиру разменяли на две. Себе с мужем она забрала двухкомнатную, продала ее и купила в деревне дом. А Косте однокомнатную оставила. Сейчас она пустует, Костя не хочет сдавать ее в аренду.

– Адрес знаешь? – Лебедев, казалось, что-то придумал.

– Конечно, – она частенько бывала в квартире брата, вытирала там пыль и вообще присматривала за ней. Один ключ был у нее, другой у Кости.

Даша назвала адрес. Лебедев переписал его себе в блокнот.

– Ладно, Даша не волнуйся, все будет нормально. – Юрий Антонович поднялся и прошелся по кабинету. – Мы поступим так. Ты спокойно живи в своей квартире, ходи на работу, пусть Таня посещает школу, кстати я могу с ней по математике позаниматься. А мы приставим к твоему брату специальных людей, они будут контролировать его круглые сутки, и в случае даже намека, на то, что он приближается к тебе или к Тане, они его быстро нейтрализуют.

– В смысле, «нейтрализуют»? – Даша опешила. – Я не хочу что бы с ним что-нибудь случилось.

– Да нет, Даша, ничего с твоим братом не случится, никто его пальцем не тронет, – засмеялся Юрий Антонович. – Просто в случае возможного приближения к тебе или Тане мы его отвлечем. Есть много разных безобидных способов. Поверь, мы это умеем. – Юрий Антонович посмотрел Даше в глаза. – Не бойся, дорогая, все будет в порядке. Я сейчас же дам указания.

– Спасибо, милый, – Даша встала с дивана, подошла к Лебедеву и поцеловала его в губы. Лебедев обнял Дашу, погладил ее по голове.

– Давай, Дашенька, сходим куда-нибудь, в «Наполеон», например, тебе отвлечься надо.

– Нет, Юра, не сегодня, извини, пожалуйста, но мне Таню надо от подруги забрать, да и настроения нет. Извини, ладно? В другой раз. Я пойду.

– Ну, в другой так, в другой, – Юрий Антонович развел руками. – Давай я тебя хоть подвезу, – предложил он, помогая Даше надеть пальто.

Через десять минут Юрий Антонович с Дашей и Таней стояли у двери Дашиной квартиры.

– Зайди, я тебя покормлю, не ел, наверное, сегодня ничего, – предложила Даша, открывая ключом дверь

– Спасибо, Дашенька, мне на работу надо, дела еще есть, – произнес Юрий Антонович. Даша поцеловала его в щеку.

– Спасибо, тебе еще раз, и извини, что с «Наполеоном» не получилось.

– Ничего страшного, милая. В общем, дверь никому не открывай, на звонки лучше тоже пока не отвечать. Если что, я буду звонить на Танин сотовый, – Юрий Антонович обнял Дашу – Не беспокойся, все будет в порядке. Я сейчас вызову людей. До свидания, вечером с тобой свяжусь, – сказал Лебедев, нажимая на кнопку лифта.

Выйдя из подъезда, он сел в джип, достал из кармана мобильный телефон и нажал несколько кнопок:

– Дежурный? Это Лебедев. Срочно свяжитесь со Звягинцевым, Иванько и Морозовым. Жду их у себя в кабинете через час. Все, отбой.

Глава 6

В среду Колосков проснулся от того, что пес Гарик лизнул его своим горячим языком прямо в нос. Пал Палыч открыл глаза и увидел перед собой рыжую, морду с карими, веселыми глазами. Гарик сидел возле кровати и с интересом наблюдал за Пал Палычем. Пасть собаки была приоткрыта, огромный розовый язык свисал чуть ли не до пола, уши стояли торчком. Увидев, что хозяин проснулся, Гарик издал радостный писк, встал на все четыре лапы и сунул свой мокрый и твердый нос Колоскову в глаз.

– Уйди, убери свой дурацкий клюв, дай поспать, – Пал Палыч отбивался от пса, закрываясь подушкой от его вездесущего, мокрого языка, но Гарик, приняв все это за веселую утреннюю игру, не отставал. Он вырвал у Пал Палыча подушку, и рыча, стал трепать ее, изо всех сил, мотая башкой.

– Вот же сволочь, а? – разбуженный Колосков схватил одеяло, накинул его на Гарика и прыгнул на собаку сверху. Завязалась веселая возня, в конце концов Пал Палычу удалось прижать собаку к паласу и сделать мертвый захват. Гарик сопротивлялся изо всех сил, бешено выпучивал глаза, страшно клацал пастью и лягался задними лапами, пытаясь сбросить с себя Колоскова.

– Даже и не думай. Проси пощады, мать твою, – подражая гнусавому переводчику видеофильмов, говорил Пал Палыч вырывающемуся Гарик. Побрыкавшись еще немного, пес понял, что сопротивление бесполезно и решил сдаться. Он страдальчески закатил глаза и коротко проскулил.

– То, то же. Так будет с каждым, кто покусится... – Пал Палыч отпустил собаку, встал с пола, отряхнул голые колени от налипшего на них мелкого мусора, поднял подушку с одеялом и бросил их на кровать. Гарик, тут же радостно вскочил и принялся с лаем скакать вокруг хозяина, выражая восторг по поводу своего помилования.

– Ладно, ладно, отстань морда, дай сходить умыться, – Пал Палыч потрепал собаку за мощную холку и в одних трусах прошлепал босиком в ванную. Гарик, улегшись на пол и положив голову на крупные, рыжие лапы с любовью смотрел хозяину вслед.

Пал Палыч долго умывался, шумя водой и кряхтя. Он вышел из ванной с влажными волосами и вафельным полотенцем через плечо.

– Гарик, где мои тапки, – крикнул Пал Палыч, подойдя к висящему в коридоре зеркалу и расчесывая, свои светло-русые, густые, слегка выющиеся волосы. – Ну-ка, быстро, неси тапки, пока я опять не разозлился, – скорчив грозную физиономию, приказал Пал Палыч, глядя на собаку в зеркало. Гарик вскочил, кинулся под кровать, умудрился схватить пастью сразу оба тапка, и виляя хвостом, подбежал к хозяину.

– Спасибо, спасибо, друг, уважил хозяина, – вынимая из пасти Гарика обслюнявленные тапки и трепля его уши, поблагодарил пса Пал Палыч. – Сейчас мы с тобой пожрем и пойдем погуляем по городу, а убираться сегодня не будем, ну ее, эту уборку, к лешему. Потом уберемся, успеем еще, вся жизнь впереди, – приговаривал Пал Палыч.

Пал Палыч был в прекрасном настроении. Сегодня был свободный день, по средам занятий в техникуме у него не было. Вызовов не предвиделось, но все равно надо было побыстрее смыться из дома, чтобы какой-нибудь телефонный звонок не испортил выходной. Тем более, что вчера какой-то новый русский, по виду бандит-бандитом, за то, что Колосков сделал укол его слегка захворавшему стардфорширу, заплатил ему две тысячи рублей, тогда как обычно Пал Палыч за подобные услуги брал с клиентов самое большее триста. Пал Палыч брать такие деньги не хотел, но новый русский, здоровенный дядька с бычьей шеей, сам засунул купюры ему в карман, пригрозив, если Колосков не возьмет деньги, – застрелить его.

К тому же вчера, ни с того ни с сего, сосед-прапорщик Цыбенко отдал пятьсот рублей, которые занимал у Колоскова, наверное, полгода назад. Не зря в субботу левая ладонь страшно чесалась. Верная примета. Тут Колосков вспомнил недавний разговор с красивой, но странной женщиной Дашей, к которой он пришел по вызову, чтобы осмотреть ее кошку. Жуть сплошная. Папка какая-то дурацкая с историями смертей, приметы... И при чем здесь какой-то мяч и его погибшие друзья детства? Но эта женщина совсем не походит на сумасшедшую. Темная история, в общем. Жалко, что он ушел, не дослушав истории до конца... Размышления Колоскова прервал Гарик, который с грохотом возил лапой по коридору свою пустую миску.

Пал Палыч прошел на кухню и открыл холодильник. Он был забит под завязку. Разбогатев, Колосков пошел в магазин и хорошенько затарился продуктами. Лично Гарику купил три килограмма мясной обрезки, килограмм костей и свежемороженого минтая. Также купил всякой крупы и макарон, кетчуп, майонез, толстый батон докторской колбасы, сыр, кусок буженины, овощи, рыбные консервы, пива, куриных окорочков, упаковку яиц, пакет пельменей, два брикета масла. Пал Палыч еле дотащил пакеты, один из них даже порвался в подъезде, и колбаса вывалилась на ступеньки.

– Любо-дорого посмотреть. Давно у нас, Гарик, такой красоты в холодильнике не было. Фу, тебе говорят! – прикрикнул Пал Палыч на Гарика, отодвигая коленом его любопытную голову от колбасы, которую пес жадно обнюхивал. – Колбасы не получишь, сегодня у тебя рыбный день, – решил Пал Палыч, доставая из пакета длинную рыбину. Задрав хвост, Гарик радостно побежал вперед хозяина к миске.

Пока Гарик грыз замороженный минтай, Пал Палыч сделал себе громадный бутерброд с сыром и колбасой и съел его, запивая чаем. Сполоснув посуду, он прошел в спальню и оделся, натянув вытертые голубые джинсы, синюю рубашку и черный свитер под горло. Гарик все это время нетерпеливо смотрел на хозяина, зажав в пасти ошейник с поводком и нервно переступая лапами. Пал Палыч, выйдя в коридор, обулся, надел пальто, нацепил, на прыгающую от радости собаку ошейник, и захлопнув дверь, вышел из квартиры, с трудом сдерживая, тянущего изо всех сил поводок, Гарика.

На улице была тепло, тихо и солнечно. Осень в этом году выдалась относительно сухая, и дождей уже не было целую неделю. Тополя, раздетые осенними ветрами, стояли голые, вязы еще сохранили свою темно-зеленую листву, но и она уже поредела, пообтрепалась. Безоблачное небо было осеннего, немного выцветшего голубого цвета. Солнце светило приглушенным, мягким светом и почти не грело.

Колосков отпустил Гарика, и тот деловито побежал по своим делам. Дождавшись когда он освободится, и подзвав собаку к себе, Пал Палыч снова взял Гарика на поводок. Выйдя со двора, они оказались на центральной улице, протянувшейся километра на три от городского универсама, до гостиницы «Дружба», от которой Пал Палыч жил в двух минутах ходьбы. Обычно он прогуливал собаку за этой гостиницей, где располагался обширный пустырь и дренажная канава, похожая на средних размеров грязную речку.

Но сегодня Колосков решил сделать вылазку в город, прогуляться, поглазеть на людей и выпить пива, сидя на лавочке в парке. Они не спеша шли по тротуару, Пал Палыч наслаждался, возможно последними, теплыми днями в этом году, Гарик с интересом обнюхивал асфальт и шугал голубей. Дойдя до улицы Ленина, они свернули направо и пошли по направлению к городскому парку. По пути Пал Палыч, завернул в магазинчик, предварительно привязав Гарика к дереву, и купил себе пару бутылок пива «САЯН», одноименного пивзавода, получившего свое название в честь Саян – сибирских гор, с двух сторон окаймляющих республику. Дойдя до засыпанного палой, буро-желтой листвой парка, Пал Палыч отыскал свободную лавочку, отпустил собаку с поводка, открыл бутылку пива и отвалился на спинку скамейки, щурясь от солнца и наблюдая за носившимся между тополями Гариком.

Через десять минут, умаявшись, пес прибежал к хозяину и забрался на лавочку, прижавшись к Колоскову крепким боком, часто дыша и высунув язык. Пал Палыч глотал из бутылки и смотрел на проходящих мимо женщин, которые, почему-то почти все были выкрашены в рыжий цвет.

Колосков вспомнил, темноволосую красавицу, к которой он на днях приходил по вызову. «Странная женщина» – подумал Колосков, – «Но до чего хороша...». У Пал Палыча защемило в груди, при воспоминании о Даше. «Блин, уже толком и не помню, когда с женщиной последний раз нормально общался!» – с досадой подумал Пал Палыч. Тут Колосков переключился на размышления о своих отношениях с женщинами. Отношения были сложными, особенно последние лет десять.

Со своей бывшей женой Ириной Васильевой Пал Палыч познакомился на первом курсе Красноярского сельскохозяйственного института, где они учились в одной группе на ветеринарном факультете. Ира тоже была родом из Южно-Енисейска, и их это сразу сблизило. Отношения завязались после одного случая на выездной практике. Их группа училась брать у коров кровь из яремной артерии с помощью длинной иглы. Одно обезумевшее от боли животное, доведенное до этого состояния кривыми руками студентов, истыкавшими иглой ей всю шею, сорвалось с привязи и бросилось на людей. Первой на пути коровы оказалась Ирина, еще несколько секунд и животное растоптало бы ее. Из всей группы не растерялся один Пал Палыч. Схватив лежащую рядом доску, Колосков оттолкнул Иру в сторону и нанес сильнейший удар корове по рогам, животины удивилась, и ошарашено помотав головой, отступила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.